

МИСТИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР

БАРБАРА
ЭРСКИН

ПОЛНОЧЬ

ПРИЮТ
ОДИНОЧЕСТВА

Барбара Эрскин

Полночь – приют одиночества

ООО «ГЕРМЕС БУКС»

1994

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)

Эрскин Б.

Полночь – приют одиночества / Б. Эрскин — ООО «ГЕРМЕС
БУКС», 1994

ISBN 978-5-9524-6703-3

После расставания с любимым Кейт Кеннеди уединяется в коттедже на побережье Эссекса, чтобы поработать над своим новым литературным проектом. Но желанный покой и уединение сменяются чувством страха, когда начинают происходить невероятные события — события, которые, как уверена Кейт, связаны с раскопками древнего римского захоронения. Похоже, духи римского legionera, его жены Клавдии и ее любовника, принца-друида Ниона, стремятся отомстить друг другу спустя несколько тысячелетий после смерти.

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-9524-6703-3

© Эрскин Б., 1994
© ООО «ГЕРМЕС БУКС», 1994

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	16
Глава 4	17
Глава 5	22
Глава 6	24
Глава 7	31
Глава 8	33
Глава 9	39
Глава 10	42
Глава 11	43
Глава 12	51
Глава 13	53
Глава 14	54
Глава 15	57
Глава 16	59
Глава 17	69
Глава 18	70
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Барбара Эрскин

Полночь – приют одиночества

Midnight Is A Lonely Place

© 1994 by Barbara Erskine

© Перевод, ООО «Гермес Букс», 2026

© Художественное оформление, ООО «Гермес Букс», 2026

Посвящается А. Дж., тому, кто придумал название

*Ступить ногой нельзя, не потревожив Земли священной, призраков
обитель.*

Байрон

В разгаре был кошмар глубокой ночи...

Расин

Герои и события этого произведения выдуманы. Любые совпадения с реальным человеком, живым или мертвым, случайны и не подразумевают никого конкретно.

Имя Нион заимствовано из кельтского Древесного календаря, Бет-Луис-Нион (Береза, Рябина, Ясень), описанный Робертом Грейвсом.

У книги этой множество корней: благоговение и страх в голосе маленького мальчика, прозвучавшие много лет назад, когда мы стояли вместе у окна и смотрели в полуночный сад, пробудившись от тяжелого сна; одинокая поездка в Саттон-Ху холодным зимним днем, когда ветер, прогудев в еловых ветвях, помчался дальше через реку Дибен; долгое, сосредоточенное и наводящее на размышления посещение усохшего древнего человека в Британском музее; а также вид из окна моего кабинета на поля, где на границе солончаков и неподалеку от ледяного Северного моря бродили тринованты и римляне. И эти корни глубже и надежнее всех остальных.

Пролог

Волосы были цвета тронутых первым морозцем листьев бука; блестящие, густые, они рассыпались, освободившись из-под гребней, когда он прижал ее к себе, потянувшись жадными губами к ее губам. Кожа его была смугла, опаленная солнцем и ветром, а ее тело, обнаженное, прильнувшее к нему, – белое, словно чистейший мрамор.

Тяжелая серебряная цепь, браслетом обвившая его руку, впиалась ей в плоть, но она не замечала этого. Она не чувствовала ничего, кроме прикосновения его тела к своему, кроме силы мускулистых бедер, властности языка, проникшего ей в рот, словно он готов был проглотить ее целиком.

– Клавдия...

Он выдохнул ее имя как ласку, прошептал как мольбу, выкрикнул как боль, наконец, провозгласил как победу и затих в ее объятиях, не в силах унять дрожь.

Она улыбнулась. Глядя вверх, на небо, сквозь полог шелестящей дубовой листвы, она блаженствовала. Весь мир сузился до размеров крошечной поляны в пустынном лесу. Дитя и муж были забыты. Ради мужчины, лежавшего теперь в ее объятиях, она готова была пожертвовать обоими; пожертвовать домом, положением, самой жизнью.

Он пошевелился и, приподнявшись на локтях, посмотрел на нее – лицо внезапно побледнело, взгляд серебристых глаз неподвижен.

– Клавдия... – снова прошептал он и уткнулся лицом ей в грудь. Это походило на смерть, но смерть желанную, ту, что следует за совокуплением. Он улыбнулся и, проникнув пальцами в чащу ее волос, стиснул их, захватив в плен хозяйку, и заскользил губами по ее лицу, очерчивая линию скул, век. Что бы сказал ее муж, сын Рима, легионер, если бы обнаружил их? Что бы сделал он, если бы узнал, что у жены его есть любовник и что любовник этот – принц-друид?

Глава 1

– Терпеть не могу известности! – призналась Кейт Кеннеди, сидя на полу в квартире своей сестры Анны. Они заказали обед из ресторана на дом и теперь трапезничали втроем с огромным бирманским котом по кличке Карл Густав Юнг.

Опубликовав биографию Джейн Остин¹, Кейт в одночасье сделалась знаменитостью. Ее приглашали на телевидение, интервьюировали три ежедневные газеты и две воскресные, она объездила множество библиотек и книжных магазинов Великобритании, а также встречалась с Джоном Биваном, которого «Гардиан» окрестила одним из самых блестящих молодых писателей и поэтов Англии. В чем же причина такого пристального внимания? В том, что Литературное приложение к журналу «Таймс» определило Кейт как «неистовую разоблачительницу» скрытой чувственности Джейн, ее подавленной сексуальности; в страсти, пронизавшей облаканные, выстраданные строки.

Спустя три недели после знакомства с Джоном она перебралась в его кенсингтонскую квартиру, и жизнь ее навсегда переменяла русло.

Старшая сестра и бывшая соседка по квартире Анна отнеслась к своему внезапному одиночеству философски. «Это неминуемо должно было случиться с одной из нас, рано или поздно, дорогуша». Тоже писательница – последовательница психологического учения Юнга², – чьей библиотекой, в особенности сочинениями Фрейда, Кейт пользовалась в процессе работы над «Джейн», Анна с любопытством наблюдала, как Кейт справляется с нахлынувшей славой. И сочла, что справляется неважно.

– Раз она тебе в тягость, уклонись. Стань затворницей. Откажись появляться на людях, дорогуша. Научись хамить, в конце концов. И надень чадру. – Анна слизнула с пальцев соевый соус. – Спрос на книгу удвоится в мгновение ока.

– Ты – циник. – Кейт дружески улыбнулась. – Джон говорит, я ненормальная. Ему все это, конечно, нравится.

– Уверена, что Джон в конце концов бросит писать книги и станет репортером, – задумчиво произнесла Анна. Вытерев пальцы о бумажную салфетку с изображением китайских персонажей, она обхватила руками колени и положила на них подбородок. – Знаешь, Кейт, он тебе не подходит. Он – психический вампир. – Она усмехнулась. – Питается твоей творческой энергией.

– Ерунда.

– Нет, правда. Ты вошла в роль домашней хозяйки и эго-массажистки, даже этого не заметив. Ты от него одурела! Вот уже месяц, как вернулась из Италии, а еще даже не взялась за новую книгу.

Удивленная справедливостью утверждения, Кейт неожиданно почувствовала себя виноватой.

– Я пока еще в поисках.

– В поисках чего? Любви? – Анна улыбнулась. – А Джон по-прежнему считает безумной затею писать о Байроне?

Кейт кивнула.

– Да, он все еще так думает. Говорит, что Байрон слишком известен. Убежден, что я должна взяться за кого-нибудь менее заметного... и не столь привлекательного, – добавила она, как будто эта мысль только что пришла ей в голову. – Но, к счастью, мой издатель с ним

¹ Джейн Остин (1775–1817) – английская писательница, автор романов «Здравый смысл и чувствительность», «Гордость и предубеждение».

² Карл Густав Юнг (1875–1961) – швейцарский психолог и философ-идеалист, основатель «аналитической психологии».

не согласен. Она этой книги ждет не дождется. – Кейт утомленно покачала головой и протянула Карлу Густаву последнюю, заботливо прибереженную кровать. В глубине души она была довольна и даже польщена тем, что Джон оказался столь ревнивым.

– Так ты поэтому выбрала Байрона? Потому что он привлекателен? – продолжала допрос Анна.

– Поэтому и еще потому, что я люблю его поэзию, обожаю Италию, а он дает мне возможность месяцами путешествовать по Европе, по тем прекрасным местам, где он жил. – Кейт собирала пустые коробки, оставшиеся от их трапезы. – И кроме того, он человек восхитительный. Неотразимый мужчина. – Она наблюдала за Карлом Густавом, который, с чрезвычайным изяществом расправившись с кроватью, теперь тщательно умывал лапки и мордочку. – По правде говоря, я уже готова начать работу над книгой. Наброски окончены, во всяком случае для первой части.

Анна покачала головой.

– Это, пожалуй, не самый плохой способ зарабатывать на жизнь! – Она поднялась и, подойдя к холодильнику, принялась искать там банку с кофейными зёрнами. – Скажи, вы с Джоном по-прежнему счастливы? – спросила она, оглянувшись через плечо. В самом деле?

Кейт кивнула.

– Счастливая супружеская парочка?

– Нет. – С сомнением, а затем более решительно. – Нет. Не думаю, что мы с ним из тех, кто создан для брака. Во всяком случае, не теперь.

– Но ты могла бы прожить с ним долгое время? Кейт помолчала, сосредоточенно глядя на сестру.

– А почему ты спрашиваешь?

– Мне предложили работу в Эдинбурге. Если соглашусь, придется отказаться от квартиры.

– Понятно. – Кейт задумалась. – Итак, настало время сжигать мосты. А как же Карл Густав?

– Ну, он-то со мной поедет. Мы с ним этот вопрос уже давно обсудили. – Анна наклонилась и ласково погладила кота. Он всегда принадлежал скорее ей, нежели Кейт. – Он к Эдинбургу относится весьма положительно, правда, К.Г.?

– А работу он тоже одобряет?

– Работа неплохая. В университете. Большой скачок вверх по мерзкой лестнице, которую всем суждено непрерывно преодолевать.

Кейт отвернулась, удивленная острым чувством потери, возникшим при мысли о расставании с Анной.

– А маме с папой ты уже об этом говорила? – спросила она спустя минуту.

Анна кивнула.

– Они одобряют. Кроме того, живя в Эдинбурге, я смогу видеться с ними так же часто, как и теперь. Это ведь не конец света, Кейт, всего лишь четыреста миль.

Кейт улыбнулась.

– Ну что ж, если одобряет К.Г. и мама с папой не возражают, значит, так тому и быть. Избавляйся от квартиры, в добрый час, а я поторчу пока с Джоном.

Но вышло иначе.

По закону подлости, как она решила, на следующий день после переезда Анны в новую квартиру на Роял-Серкас они с Джоном впервые всерьез поругались. Предметом ссоры оказались деньги. Ее деньги.

– Сколько они собираются тебе платить? – Он смотрел на нее с неподдельным недоумением.

Она протянула ему письмо, и он внимательно, не торопясь, прочитал.

– Это ведь контракт американский! Ты наверняка знала об этом еще несколько месяцев назад. – Тон был обиженный и укоряющий одновременно.

– Я не хотела тебе говорить, пока все не решилось окончательно. Сам знаешь, сколько обычно это требует времени... – Она приберегала эту новость, чтобы преподнести в качестве сюрприза. Считала, что он обрадуется.

– Господи! Беззаконие какое! – Он вскочил с места. – Я за свой последний поэтический сборник получил какие-то ничтожные пару сотен в качестве аванса, а тебе... – он задохнулся от возмущения, – тебе платят такую сумму! – Он отшвырнул письмо.

Она смотрела на него, не веря глазам.

– Джон...

– Послушай, Кейт. Подумай сама. Ты пишешь превосходно, но ведь это и литературой не назовешь!

– А твои книги – литература?

– Едва ли кто-то осмелится это опровергать.

– Конечно нет. Я в этом не сомневаюсь. – Она глубоко вздохнула.

– Эй, ну не обижайся. – Он внезапно осознал, как больно задел ее, и внутренне проклял свою вспыльчивость. Ты ведь меня знаешь. Он обнял ее за плечи. У меня язык без костей. Я не хотел тебя оскорбить. Ты чертовски здорово пишешь. И предварительную работу большую проводишь! Не обращай на меня внимания. Я просто с катушек слетел. Нет, скажем правду, зависть заела. – Он крепко прижал ее к себе. – Я даже спрячу подальше свою гордыню и одолжу у тебя немного из этих денег.

Так впервые она вскользь услышала о его финансовых проблемах.

Ему удалось заставить ее почувствовать себя виноватой. Но поняла она это позднее. Тонкая игра, мастерский ход. Она навязывала ему деньги; швыряла их ему, давала и одалживала, и каждый чек сопровождала молчаливыми извинениями в том, что она зарабатывает деньги, а он – нет. В конечном итоге у нее на счету осталось менее тысячи фунтов и никаких перспектив, кроме его горячих заверений вернуть долги, вплоть до следующей летней выплаты авторского гонорара.

И все же основной преградой между ними встали не неумолимо возрастающие материальные неурядицы, а нечто внезапное и совершенно неожиданное.

Холодным тоскливым днем в начале декабря Джон отыскал ее в зале рукописей Британского музея, где она стояла, опустив глаза на плоскую стеклянную витрину, из которой на нее взидала раскрытая книга, страница, испещренная неразборчивым, косым, со множеством исправлений почерком Байрона, – посвящение «Дон Жуану». Атмосфера зала, кондиционер, неестественное освещение, сопровождавшееся приглушенным жужжанием – все это вызывало у нее головную боль. Она так долго пребывала в сосредоточенном состоянии, что неожиданное похлопывание по плечу заставило ее вскрикнуть от испуга, прежде чем она повернулась и, увидев Джона, вспомнила, что они договорились встретиться и выпить вместе по чашке кофе.

В ресторане было как всегда полно народу, и, устраиваясь за столиком у стены, она предположить не могла, что эта встреча ознаменует начало войны. Пара японских туристов, обвешанная камерами, с поклонами и извиняющимися улыбками, захватила два свободных места рядом с ними. Кофе из чашки Джона пролилось на блюдо. Высокий, с трудом устраивая ноги под столиком, он продвинулся в угол напротив Кейт. Поднос в одной руке, письмо в другой; долговязая фигура и длинные волосы придавали бы ему налет этакой томной элегантности, если бы не острый, пронизательный взгляд, скользящий по залу, который первое впечатление немедленно рассеивал.

Все еще поглощенная мыслями о Байроне, она не сразу ощутила его возбужденное состояние.

– Кейт, ты едешь со мной! – Он схватил письмо, которое перед тем положил на стол между ними, и помахал им у нее перед носом. Глаза его светились триумфом.

– Еду с тобой? В Штаты? – Сосредоточив наконец на нем свое внимание, Кейт удивилась. – Я не могу.

Внезапная вспышка гнева, промелькнувшая на его лице, подтвердила ее подозрение, что он не захочет ее понять.

– Почему? – Он был оскорблен и потрясен ее ответом. Уверен был, что она так же станет радоваться, как и он. Нахмурился. Ну почему она всегда реагирует не так, как он предполагает? – Это самый значительный момент в моей жизни, Кейт. Мой новый роман издается в Америке. Поездка с лекциями. Реклама. Может быть, хорошие деньги наконец. Разве не этого ты мне желала?

– Именно этого. – Судя по изменившемуся тону, оборону Кейт сняла. И взгляд стал дружелюбнее. – Я очень за тебя рада. Это прекрасно. Но дело в том, что я тоже пишу книгу, разве ты не помнишь? И не могу так сразу сорваться с места. Подготовительная работа окончена. Наброски готовы. Можно начинать писать. Ты должен понимать, что я не могу с тобой ехать. Это исключено.

– Но, ради всего святого, Кейт, ты ведь можешь взяться за книгу в любое время. – Джон отшвырнул письмо. Он рассчитывал на нее, не мог себя без нее представить. – Я ведь не требую, чтобы ты от нее отказалась. И времени мне не так много требуется. Мы пробудем в Штатах всего пару недель.

Кейт взглянула на сидевшую напротив японку. Та тактично отвела взгляд и принялась разворачивать огромный многослойный бутерброд, из которого во все стороны торчали куски ветчины, сыра и кружевные оборки ярких листьев всевозможных сортов салата. Воздух внезапно наполнился аппетитным ароматом жареного мяса.

– Тебе не хуже меня известно, что пара недель – срок огромный, когда пишешь, – резким тоном возразила она. Головная боль усиливалась, появилось ощущение усталости и подавленности, кроме того, она временами могла с ним поспорить в упрямстве. – Не будь идиотом, Джон. В конце концов, тебе без меня будет гораздо лучше. Все-таки ему удалось вызвать в ней чувство вины.

– Ты нужна мне. Дерек организовал нечто фантастическое. – Джон ткнул указательным пальцем в письмо. – Выступление по телевидению в Нью-Йорке. Великолепные приемы. Интервью с «Нью-Йорк магазин» и «Пабlishерз уикли». Там кого угодно можно встретить. Он хочет, чтобы ты тоже приехала, Кейт. Мы – гвоздь литературной программы...

Она почувствовала прилив нетерпения.

– Мне наплевать на то, чего хочет твой издатель, Джон. Мне было бы наплевать, если бы меня даже президент Соединенных Штатов ожидал в гости. Гвоздем можешь быть ты, но не я. Не желаю быть и изящной оправой твоего сверкающего образа. Если я и отправлюсь в Нью-Йорк, то лишь затем, чтобы прорекламировать «Властителя тьмы», а не для того, чтобы улыбаться фотографам у тебя под боком. Прости, но я намерена остаться здесь и работать.

Джон покачал головой, и на лице его внезапно промелькнуло выражение растерянности.

– Ты не можешь остаться в квартире, Кейт.

– Это почему же? Могу, конечно. – Даже в ту минуту она не прислушалась к предупреждающему колокольчику, прозвеневшему в глубине сознания.

Он скрестил руки, и к лицу стало возвращаться знакомое упрямое выражение, смягченное налетом беспокойства.

– Дерек просил меня на время отсутствия сдать квартиру Сайрусу Грандини.

Кейт на мгновение потеряла дар речи.

– А кто такой, позвольте спросить, этот Сайрус Грандини? – взорвалась она наконец.

– Ну, Кейт. – Он тоже был раздражен. – Поэт. Неужели ты не слышала о нем?

– Представь себе, не слышала. И не желаю делить с ним квартиру.

В его тоне послышались виноватые нотки.

– Об этом и речи нет. Прости, Кейт, но я обещал ему квартиру на две недели.

– А как же я? Мне казалось, что это и мой дом. – Она старалась изо всех сил скрыть охватившую ее панику.

– Так оно и есть. – В голосе было больше злости, чем убедительности. – Ты знаешь, что дом этот твой. Но Дерек считал, что ты поедешь в Нью-Йорк, и я тоже был в этом уверен. Думал, будешь скакать от радости.

– Я не скачу.

– Тогда сожалею, но тебе придется отправиться на эти две недели куда-нибудь еще.

Вот оно. Теперь все ясно. Он сожитель. Любовник. Но не соратник.

Она вскочила, с такой силой проскрежетав ножками стула по полу, что японец, сидевший рядом, чуть не выронил пирожное. Он тоже вскочил с места и вылез из-за стола. Ей оставалось лишь не слишком изящно протискиваться мимо него. Ее охватили ярость, негодование, отчаяние.

– Если я уйду, то уйду навсегда, – решительно заявила она в то время, как ее несчастный сосед снова плюхнулся на свое место и с некоторой долей безнадежности вцепился в свое пирожное.

– Ну что ж, делай как знаешь. – Он отвернулся и, подперев подбородок рукой, уставился на парфенонского всадника, изображенного на настенной фреске, чувствуя, к своему стыду, как к глазам подступают непрошеные слезы. Правильно истолковав его монументальную позу, японка, которая собиралась было встать из-за стола и пропустить его, с облегчением вздохнула и откусила большой кусок пирожного.

Домой он вернулся только в начале двенадцатого ночи. Входная дверь вела сразу в небольшую гостиную, где Кейт, уютно устроившись, читала при свете настольной лампы. Капли дождя со снегом барабанили по оконному стеклу. На плечах теплой куртки Джона поблескивали заиндевшие крупинки льда.

– Ну как, не передумала? – спросил он.

Поначалу она растерялась, не в силах выбраться из мира лорда Байрона и его друзей. Усилием воли заставила себя вернуться к действительности.

– Нет, не передумала.

– Не получается, да? – Он стоял перед электрическим камином и медленными движениями раскручивал длинный шарф.

– Что не получается? – Она не отрывала глаз от книги. Живот неприятно подвело от тона, прозвучавшего в его голосе, и буквы слились в непрерывную черную полосу.

– У нас.

Она наконец подняла на него глаза.

– Потому что я не желаю ехать с тобой в Штаты?

– И это тоже. Кейт, давай смотреть правде в лицо. Ты настолько увлечена своим чертовым поэтом, что не оставила времени для меня. Посмотри на себя. Даже теперь не можешь оторваться от какой-то дурацкой книги. – Джон бросился к ней и выхватил книгу из рук. – Вот! – Он с видом победителя поднял ее над головой. – «Поэты викторианской эпохи»! – Он швырнул книгу на кресло. – Он... – Кейт могла только догадываться, что «он» означало «Байрон». – ... Он все время стоит между нами. У тебя не остается времени для нас, для наших отношений.

– Джон...

Ее задела несправедливость замечания, но он продолжал:

– Нет, ты послушай. Ты полностью отгородилась. У тебя нет для меня ни минуты.

Она вскочила. Весь вечер она не могла успокоиться после их размолвки в Британском музее. Надеялась, что они обо всем договорятся, когда он вернется, когда обдумает и поймет справедливость ее слов.

– Ты... и это говоришь мне ты, которого интересует только собственная работа! Собственные друзья, встречи, интервью! Ты сам признался, что я нужна тебе в Америке только как бесплатное приложение. Литературный круг Джона Бивана. Великолепный, умный, талантливый писатель и поэт Джон Биван и его малышка подружка, которая пишет столь забавные биографии... но Боже упаси воспринимать их столь же серьезно, как шедевры Джона. – У нее задрожали руки, когда она поняла смысл только что сказанного. Она приговаривала их отношения к безвременной кончине. Обратный путь отрезан, нельзя будет залатать прорехи, вылечиться от ран, нанесенных оскорблениями. – Ты прав, Джон. У нас ничего не выйдет. Все кончено. Кончено! – Она бросилась мимо него вон из комнаты.

Спальня их была невелика. Двухспальная кровать у стены оставляла место лишь для письменного стола, ее стола. На нем, среди вороха книг и бумаг, пристроился портативный компьютер. Стол Джона стоял в гостиной, из которой она только что выбежала. Гостиная Джона. Квартира Джона. Она огляделась вокруг в полном отчаянии. Затем потянулась к пальто. Накинув его на плечи, бросилась к выходу.

– Кейт, не валяй дурака. Мы все с тобой решим. – Джон следовал за ней. Он внезапно сам испугался того, что натворил. – Ради всего святого, куда ты?

– Куда глаза глядят. – Она возилась с замком.

– Ты не можешь так уйти. Скоро полночь, снег идет. – Гнев его улегся, и он внезапно увидел себя ее глазами – жестокий, бессердечный, высокомерный эгоист. – Кейт, прошу тебя... – Он протянул к ней руку.

Она не ответила. Хлопнув дверью, она помчалась вниз по лестнице и прочь из дома.

Глава 2

Она тосковала о нем.

Квартира выглядела опрятной и уже нежилой, хотя она еще не выехала, а дни уходили чередой, один за другим. Ей предстояло отыскать убежище, не слишком дорогое, где можно было бы жить, зализывать раненое самолюбие, писать.

Она пыталась оправдать то, что произошло, объяснить случившееся самой себе. Он был прав. Не получилось. Слишком много оказалось между ними несовпадений, чересчур большая конкуренция. И все жертвы, которые приходилось приносить, выпадали на ее долю: ее время, ее внимание, ее деньги, ее обязательства наконец.

Ну что ж, теперь все кончено. Теперь ее время, внимание и обязательства можно сосредоточить на одном. На единственном мужчине. На Байроне. Она стоя намазывала на хлеб мед. Хлеб крошился, и она, нахмурившись, пыталась крошки собрать и прилепить обратно. Ясно одно – она больше не может оставаться в Лондоне. Деньги – те, что она дала ему в долг, – были единственным источником ее существования. Все утро, сверяясь с банковским счетом, она с помощью калькулятора составляла список расходов, пытаясь определить, на какое время хватит ей оставшихся нескольких сотен фунтов. Слава Богу, достало ума перевести некоторую сумму в налоговый фонд, к которому не прикасалась даже ради Джона. Если бы не это, теперь было бы совсем худо. Во всем виновата она сама. Ее обвели вокруг пальца, облапошили самым элементарным образом. И винить некого, кроме себя. И Джона. Она попыталась обругать его. Помогло, но ненадолго. Тут же вернулось ощущение пустоты и тоска по нему.

Но жизнь продолжалась, и в силу этого два дня спустя она оказалась в Комитете по вещанию, где работал ее старый приятель Билл Норкросс – заведовал одним из производственных отделов.

– Так, значит, то, о чем судачат, правда? Вы с Джоном расстались? Очаровательная Кейт Кеннеди встала на дыбы и подрубила сук, на котором сидела. – Билл откинулся на спинку кресла и жестом указал Кейт на такое же по другую сторону стола.

Проглотив обиду, Кейт присела, наблюдая, как взгляд его инстинктивно переползает с голенищ черных кожаных сапог к подолу юбки. Чувствуя уверенность от того, что ноги плотно и весьма несоблазнительно обтянуты черными шерстяными рейтузами, она с намеренным вызовом положила ногу на ногу.

– Он никогда не был для меня суком, Билл. Я за все расплачивалась сама.

Билл дружелюбно улыбнулся. Она была высокой, одного роста с Джоном и похожего телосложения, так что многие принимали их за брата и сестру. Но если Джон при этом казался долговязым и неуклюжим, она была стройной и изящной, и впечатление это усиливалось благодаря длинным каштановым волосам, небрежно стянутым на затылке алым шелковым шарфом, а также благодаря тонким пальцам, теребящим теперь очки, которые она надела, чтобы разглядеть лицо Билла, и тут же сняла, как будто десяти секунд оказалось достаточно, дабы запомнить его на всю жизнь.

– Мне нужна твоя помощь, Билл. Я должна найти жилье на некоторое время. – Она замолчала и с трудом, как будто неохотно, улыбнулась.

– Не могла бы я пожить в твоём доме?

Билл нахмурился.

– О Господи! У тебя, видно, и вправду дела плохи. Ты знаешь, где находится мой дом?

Она рассмеялась.

– Кажется, в Северном Эссексе.

– В самом прекрасном уголке Эссекса, самого прекрасного, на мой взгляд, уголка Англии. Но увы, в это время года он также самый недоступный и холодный. У меня там лишь

минимум так называемых жилищных условий: в спальне полно барахла, крыша течет, сыро, холодно. Тебе там будет плохо. Неужели Джон вышвырнул тебя?

– В некотором роде. – Она поджала губы. – Я думала, что это и мой дом, но ошибалась.

– Так вы разошлись?

Она кивнула.

– Спектакль окончен. Мы оба оказались чересчур современными. – Говорить об этом было нелегко.

Она знакома с Биллом пятнадцать лет, с первого курса университета. Он был одним из самых близких ее друзей, но о деньгах она рассказывать ему не желала. Его не касается, что она натворила со своими накоплениями и почему не в состоянии теперь снять себе приличное жилье. И кроме того, Джон обещал отдать долг, как только получит следующий гонорар. Или послеследующий... Беззаботный, щедрый, беспомощный, проклятый эгоист Джон! Надо же было так по-идиотски вляпаться!

Билл откинулся на спинку кресла и сложил руки на груди. Тучный, лысеющий, лет тридцати пяти, с улыбочивым располагающим лицом, не способным выразить, к собственной досаде Билла, ничего более, кроме постоянного благодушия.

– Похоже, Джон заграбастал у тебя почти все, что ты получила от «Джейн»?

Кейт вскинула брови.

– Это он тебе сказал?

– Не напрямую, конечно. Я догадался. Я вас обоих давно знаю. Гораздо дольше, чем вы друг друга. Ты что, совсем без гроша или все-таки можешь оплатить какую-нибудь квартиру?

– Какую-нибудь, – настороженно произнесла Кейт. – Но не в Лондоне.

– Нет. Рядом со мной. В Эссексе. В Ридол-Бей. Мои соседи собираются сдавать свой дом на полгода. Это в паре миль от меня, но гораздо более благоустроенный. И тихий. – Он неожиданно рассмеялся. – Тихий как могила.

– Они могут мне его сдать?

– Уверен, что сдадут. Говорили об этом, когда я в последний раз там был. Им нужны деньги. Если я тебя отрекомендую, а ты сможешь выписать чек на три месяца авансом, я наверняка все для тебя устрою. – Он резко подался вперед, открыл ящик стола и бросил на блокнот, лежащий перед ней, пачку фотографий, смятых и захватанных. – Там уныло, Кейт. Подумай хорошенько. Ты будешь чувствовать себя совсем одиноко.

Она взглянула ему в лицо и взяла фотографии.

– Я знаю, что там уныло. Места эти мне знакомы. Бывала там пару раз.

На фотографиях были запечатлены моменты отдыха: люди, лодки, собаки, дети, песок, галька и всюду море – серо-зеленое грязное море. На одной из фотографий она в отдалении заметила домик.

– Это твой?

Он кивнул.

– Я редко бываю там зимой. Не могу вынести холода и необитаемости.

– Очень мило. Но слишком людно. – Она лукаво взглянула на него. – Мне нужно одиночество. Не забывай, что я пишу книгу.

– Ну что ж. – Решительно взмахнув руками, Билл встал. – Если я смогу для Роджера и Дианы отыскать съемщика, способного отдать приличные деньги за преимущество проживать в их Богом забытом доме и отмораживать там свои – не при даме будет сказано – яйца, то и сам внакладе не останусь, и они всю жизнь мне обязаны будут. Дай мне пару дней, чтобы дозвониться до них, отправь им чек и, если только его оплатят, можешь не сомневаться, тебя примут с распростертыми объятиями.

Она встала.

– Прошу тебя, Билл, не говори Джону, куда я уехала, если он вдруг поинтересуется, – проговорила она уже по пути к выходу. – Мне хотелось бы, по крайней мере до поры до времени, чтобы это был окончательный разрыв, и по моей инициативе.

– Вот сука. – Это было сказано с большой любовью.

– Почему бы нет? Он сам довел меня. – Она совсем не злилась и удивлялась этому.

– Бестолковый гомик. – Билл дружелюбно ухмыльнулся. – Знаешь что? Я поеду с тобой на выходные. Моей берлоге не помешает легкое проветривание. А потом ты подбросишь меня до станции, и я оставлю тебя на волю восточным ветрам, а сам вернусь сюда, к своим земным благам.

Потребовалось не много времени, что вывезти ее вещи из квартиры Джона. Их было не так уж много, если не считать книг, конечно.

В конце концов они решили все вопросы полюбовно, как она того потребовала. Они вели себя как взрослые люди, по-деловому и спокойно определив свои отношения – развод, не осложненный браком. Безучастно чмокнув ее в щеку, Джон отбыл в Нью-Йорк на несколько дней ранее намеченного срока. Он не спросил, куда она уходит; не обсуждался и вопрос о деньгах.

Полдюжины коробок и чемоданов, погруженных в багажник ее автомобиля, картонка с цветами, заботливо укутанными от холодного ветра, и узел ненужной одежды. И это все, что осталось от лондонской жизни и что она переправила на чердак в доме Билла в Хемпстеде, все, что требовалось положить на сохранение, кроме цветов, которые он обязался холить и лелеять вдали от ветров Восточной Англии. При ней остались портативный компьютер с принтером, книги, коробка с картотекой и набросками, а также пара чемоданов с джинсами, теплыми свитерами и резиновыми сапогами. И только после того, как все эти вещи были сложены в маленький «пежо» и Кейт в последний раз поднялась в квартиру, чтобы проверить, не забыто ли что-нибудь, в горле набух предательский комок и пригрозил задушить ее. Она усилием воли заставила себя проглотить его. Так начиналась вторая половина ее жизни. Захлопнув за собой дверь, она бросила ключи в прорезь почтового ящика и услышала, как они шлепнулись на ковер по другую сторону двери с унылой безвозвратностью, как нельзя более подходившей ее настроению. Она не поинтересовалась, каким образом Сайрус Грандини попадет в квартиру, а Джон не сказал ей. Подняв воротник куртки, она сбежала вниз по лестнице к машине. Она подберет Билла по пути через Лондон, и затем они вместе отправятся на северо-восток.

Глава 3

Прилив продвигался все дальше, покорный непререкаемым требованиям полной луны, схоронившейся за преградой из кучевых облаков, плотностью в десять тысяч футов. Увлажненный мокрым снегом на ледяном ветру, песок становился грязным и податливым под жадными пальцами воды. Галечный берег казался пустынным и покинутым во мраке. Пока вода нежными щупальцами ласкала камни, с насыпи позади сорвался песчаный ком и шлепнулся в черную водяную бездну. Следом стал образовываться еще один. Натянулся и оторвался колтун травы, клубок невероятных корней, сцепившихся, перепутанных, неразрывных. Трава просвистела на ветру, взметнув в воздух стайку песчинок, и, развернувшись, ринулась на восток. Теперь ветер с приливом стали заодно, и вода непреклонно поползла дальше, вперед.

Небольшой глиняный карман, оставшийся в пойме реки Сторвелл, после того как растаяли ледники, две тысячи лет назад залегал на дне пресноводного болота. Давным-давно осушенное, болото исчезло, а пришедшее ему на смену сочное пастбище с течением веков превращалось сначала в пашню, затем в кустарник и леса и, наконец, по мере того как море неумолимо продвигалось на восток Англии, в галечный пляж. Теперь, по прошествии почти двух тысячелетий бесконечных перемен и почвенных эрозий, пласт песка и гравия, по-прежнему отгораживающий глину от воздуха и света, стал не более нескольких сантиметров толщиной.

Глава 4

Пухлое тело Дианы Линдси было втиснуто в плотные брюки, куртку с капюшоном и закутано в большую ангорскую шаль. Она стояла в дверях Ридол-Коттедж и наблюдала за тем, как старший сын разжигает камин. Она была небольшого роста, светловолосая, привлекательная, со светло-зелеными глазами и красными натруженными руками.

– Поторопись, Грег, обед скоро будет готов. Я и так уже из-за тебя почти все утро потеряла. – Она окинула хозяйским взглядом небольшую гостиную. Бледный солнечный луч проливался в окно, освещая яркие ковровые дорожки, устилавшие пол, а также небольшой диван и кресло у камина. Общий вид комнаты ее удовлетворил. В их распоряжении были всего сутки на то, чтобы вывезти вещи Грега и заменить их приличной мебелью: стол и два стула для кухни, викторианского стиля кресло-качалка для спальни, где доселе единственным предметом обстановки служила двуспальная кровать; белье, полотенца и ящик с набором бакалейных продуктов. Последняя идея принадлежала Биллу и не входила в круг обязанностей владельца дома, сдающего его внаем, но она согласилась, что дом показался бы неудобным и пустым, если в буфетах не обнаружится ни крошки еды или зернышка кофе, притом что на мили вокруг ни одного магазина, а те, что есть, не откроются вплоть до понедельника. Последний штрих – растопить дровяной камин, который теперь уже наполнял дом уверенным гулом, и поставить на стол в кухне вазу с букетом позднего жасмина.

Грег закрыл на задвижку дверцу топки и поднялся на ноги. Его дородная фигура сразу заполнила маленькую комнату, приходилось даже голову нагибать, чтобы не удариться о потолочные балки.

– Ну вот. Ты довольна, мама? Наша гостья заживет как жук в коросте.

– Не груби, Грег, – автоматически, по привычке одернула его мать. Она прошла на кухню и там тоже все в последний раз оглядела. Кастрюли, сковородки, тарелки – все было практически новое, судя по всему, Грег едва ли что-нибудь готовил, кроме кофе. Ножи, вилки и ложки она принесла из фермерского дома. – Так, пора возвращаться. Билл звонил и сказал, что они подъедут, скорее всего, часам к пяти. Он хочет, чтобы она устроилась до темноты.

– Чрезвычайно мудро. – Грег толкнул входную дверь. Позади них, за темными дверными стеклами качнулись, вспыхнули и снова замерли язычки пламени в камине. – Элли позвать?

Оставив мать по пути к «Лендроверу», припаркованному в конце ухабистой дороги, ведущей через чахнувший лес к фермерскому дому Ридол, в полумиле от леса он завернул за угол дома. Небольшой деревянный домишко, выкрашенный светло-розовой краской, укрылся за деревьями, окружавшими его полукругом деревьев, подстриженная старанием кроликов лужайка тянулась к песчано-галечной отмели, отделявшей устье реки Сторвелл от пляжа и холодных волн Северного моря. Это была открытая местность, обдуваемая всеми ветрами даже в такой день, как сегодня, когда солнце судорожно прорывалось из-за щербатой тучи.

– Элли! – Грег звал сестру, сложив ладони рупором у рта. К тому времени, когда мать открыла дверцу «Лендровера» и устроилась на сиденье, он уже скрылся за дальним углом коттеджа и попал прямехонько в зубы к ветру.

Элисон Линдси, пятнадцати лет от роду, со светлыми волосами, стянутыми резинкой в тугий хвостик, упрятанный под воротник желтой ветровки, сидела на корточках с подветренной стороны одной из песчано-галичных дюн, примостившейся между домом и морем. Завидев брата, она махнула рукой, а ветер швырнул ей в глаза растрепавшиеся пряди волос.

– Что-нибудь нашла? – Он спрыгнул с невысокой песчаной насыпи и встал рядом с сестрой. Здесь, в укрытии от ветра, было неожиданно тихо и даже почти тепло под лучами поймавшего в силки солнца.

– Смотри. Море размыло песок. Это, наверное, случилось во время прилива. – Она ковырялась в песке, и теперь пальцы у нее были облеплены.

Он заметил, что она сломала ноготь – крохотная капля крови смешалась с золотисто-рыжими песчинками, прилипшими к коже. Она выкопала яму в склоне дюны и что-то отыскала там.

– Видишь? Вроде керамика.

Он взял у нее из рук любопытную штучковину. Она была скользкая, рыжего цвета, с сияющим глазурию рельефным рисунком, почти не попорченным песком.

– Красивая. Должно быть, кто-нибудь выбросил из дома. Пошли, Элли. Мама на взводе. Она хочет накормить нас до того, как уедет в Ипсвич или куда там она собралась сегодня, а мне бы улизнуть до того, как Дристократка прибудет.

Элисон забрала у брата кусок гончарного шедевра и спрятала в карман куртки.

– Почему ты ее так называешь? – спросила она. – Она ведь знаменитая. Книгу написала.

– Точно. – Он мрачно усмехнулся. – И несомненно, будет чувствовать полное превосходство над нами, темной деревенщиной. – Он коротко хохотнул, вылезая наверх, и, протянув сестре руку, помог ей выкарабкаться из песчаной ложбины. – Ну ничего, она скоро поймет, что жить в деревне в это время года далеко не то же самое, что прохладиться на каком-нибудь дурацком пикнике летом. Может быть, тогда отвалит отсюда.

– И вернет тебе твой дом? – Элисон пристально и серьезно смотрела на брата.

– И вернет мне мой дом. – Он задумался. – Знаешь, Элли, не говори маме, но – между нами – мы с тобой вполне могли бы найти способ выжить Дристократку из Ридол-Коттедж, правда? – Он улыбнулся. – Поможем немного погоде. Напугаем ее как-нибудь.

– Здорово. – Она рассмеялась, но сразу нахмурилась. – А разве нам не нужны деньги?

– Деньги! – Грег презрительно хмыкнул. – Все только о них и думают. Клянусь Богом, на свете есть и другие вещи. С голоду не помрем. Папиного выходного пособия и пенсии нам хватит на несколько лет. И на бензин, и на электричество, и на еду. Им и на выпивку достанет. А мне моего пособия по безработице – за глаза на краски и холсты. Кому нужно столько денег?

Элис покорно пожала плечами. Со старшим братом спорить бесполезно. И потом, он, скорее всего, прав. Она упрямо отмела закравшееся подозрение в том, что он рассуждает совершенно как мальчишка – в конце концов он на целых двенадцать лет ее старше – и, подойдя к «лендроверу», в который раз отбросила с глаз тонкую прядь волос, открыла дверцу и забралась на переднее сиденье рядом с матерью.

В доме на ферме третий отпрыск семьи Линдси, Патрик, накрывал стол к обеду, бесшумно двигаясь по кухне в одних носках, стараясь не разбудить отца, дремавшего в соломенном кресле у плиты с двумя котами, прикорнувшими у него на коленях. Тишину комнаты нарушало лишь тиканье дедушкиных часов в углу да шипенье огромной сковородки на плите. В воздухе стоял густой аромат цыпленка, тушенного в подливке, щедро сдобренного специями. Патрик, двумя годами старше Элисон, был в семье самым усердным. Наверху в его комнате – она располагалась над кухней, в северном крыле дома, и считалась, по мнению Элисон, самой лучшей из всех благодаря ее размерам – спорили друг с другом за свободную площадь компьютера, принтер, калькуляторы и множество книг, перемещавшиеся из-за нехватки места со столов и стульев на пол, а временами даже в коридор, поближе к комнате сестры. В тот момент Патрик был полностью погружен в размышления, по-прежнему занятый школьным заданием. Он не расслышал шума двигателя, когда старший брат, подъехав, припарковывал «лендровер» за углом дома, не заметил Кота Номер Два, Мармелада Джонса, который, соскочив с колен хозяйина и вспрыгнув на кухонный стол, принялся лизать кусок масла, который Патрик не слишком предусмотрительно достал из холодильника.

Открывшаяся дверь разбудила Роджера, застала врасплох Патрика и вызвала в коте внезапный и непривычный приступ угрызений совести.

– Господи, как же сегодня холодно. – Диана, не снимая пальто, прямиком прошла к тяжелой, чугунной, невозмутимо булькающей сковороде и заглянула внутрь.

– Билл звонил. – Роджер потянулся и поднял газету, выскользнувшую из рук во время сна. Возмущенный тем, что его побеспокоили, Кот Номер Один, Прозорливый Смит, соскочил с хозяйских колен и, прошмыгнув сквозь решетку, разделявшую кухню и гостиную, уселся перед камином и вперил загадочный взгляд в тлеющие угольки. – Они должны были подъехать около трех. По всей вероятности, она полная недотепа. – Он улыбнулся старшему сыну и заговорщицки подмигнул. – Почему бы тебе не попытаться захоронить ее при первой встрече, Грег? Уверен, что ты, как сын своей матери, владеешь этим искусством.

– Ах ты! – Диана игриво отвесила мужу подзатыльник.

Ничего этого не расслышав, погруженный в мир бесплодных мечтаний, он частенько пропускал мимо ушей родительские добродушные подтрунивания. Пройдя к камину, он подбросил в очаг полено.

– Половины старой дюны позади коттеджа – как ни бывало, – крикнул он из гостиной. – Та, что защищала его от северо-восточного ветра. Еще парочка таких приливов, как на прошлой неделе, и дом может запросто смыть.

– Ерунда. – Диана, сняв пальто, повязывала поверх брюк широченный фартук. На фартуке был изображен гигантский красный лондонский автобус, который теперь, казалось, мчался по необъятной толщине живота. Она покачала головой. – Не бывать этому. Коттедж стоит там уже сотни лет.

– И когда-то был очень далеко от моря, дорогая. – Роджер встал. Он был болезненно худым, с изнуренным лицом, очевидным свидетелем недуга, заставившего его раньше времени уйти на пенсию. – Слушай, почему бы не откупорить бутылочку вина? Твое жаркое так соблазнительно пахнет – готов целиком проглотить. – Он улыбнулся жене, а она на обратном пути к плите, с деревянной ложкой в руках, задержалась и порывисто обняла его.

– Покажи папе кусок керамики, который ты в дюне нашла, Элли, – крикнул из соседней комнаты Грег.

Сестра его, все еще в куртке, уселась за стол и пристроила локти среди ножей и вилок, которые Патрик разложил с геометрической точностью. Порывшись в кармане, она достала осколок.

Роджер взял его и стал с интересом разглядывать.

– Весьма необычный. И старый, пожалуй. Взгляни на цвет глазури, Грег. – Он протянул предмет старшему сыну.

Грег неохотно отошел от камина. Взяв осколок, повертел его в пальцах.

– Ты вполне можешь отнести его в музей, малышка, – сказал он Элисон. – Посмотрим, что они скажут.

– Можно. – Элисон встала, и все удивились, заметив, как загорелись ее глаза. Обычно тщательно оберегаемое выражение апатии на мгновение исчезло. – Знаете что? Я думаю, он римский. В музее, в замке, такие же есть.

– Ну, Элли, дорогая, не может быть. Во всяком случае, не здесь. – Диана достала из буфета четыре стакана и протянула мужу штопор. – Римляне так далеко от Кольчестера не доходили.

– Нет, доходили. На ферме Киндленгов полно римских вещей нашли, – вставил Роджер, срывая с горлышка бутылки фольгу. – Разве ты не помнишь? Они тогда обнаружили обломки дома. Какой-то римский малый из Кольчестера доживал там свои дни. И надпись нашли.

Элисон закивала.

– Марк Северий Второй, – тщательно выговаривая слова, произнесла она.

– Верно, – подтвердил Роджер. – О нем статья была в местной газете. И еще более древние штуки находили. Железного или бронзового века, кажется. Что-то вроде этого. Ты еще

не отказалась от мысли провести археологическую работу для своего диплома, Элли? – Он улыбнулся дочери.

– Может быть. – Внезапный прилив энтузиазма прошел, и она снова села, водрузив локти на стол и нарушив порядок разложенных ножей и вилок. Патрик нахмурился, но вслух ничего не сказал. Ему давным-давно было известно, что любое замечание вызовет в ответ оскорбительную тираду со стороны сестры, а это в свою очередь расстроит всех членов семьи, и трапеза будет испорчена. Так случалось уже не раз.

– Я собираюсь раскопать дюну. – Внезапное заявление Элисон заставило застыть Роджера, разливавшего вино по стаканам.

– Не слишком ли самонадеянно, старушка? – осторожно заметил он. – Копать придется немало, а в результате ты можешь ничего не найти.

– Я и раньше кое-что находила.

– В том же месте? – Грег недоверчиво смотрел на сестру. – А почему не рассказывала?

– Не твоего ума дело. – Элисон схватила стакан Патрика.

– Эй, это мой...

– Другой нальешь. – Не услышав от родителей возражений, она поднесла стакан к губам и сделала глоток.

– Так что ты нашла, Элли? – В голосе Роджера появились примирительные нотки, как часто случалось в разговоре с дочерью. Тон становился мягким, убеждающим, даже просительным.

– Сейчас покажу. – Она встала и со стаканом в руке направилась к лестнице, бравшей начало в гостиной, у двери, за камином.

– У нее в комнате целая куча книг по археологии, – поведал Патрик, понизив голос, когда Элли уже не могла слышать.

– Ты снова туда заходил? – Диана возмутилась. – Знаешь ведь, что она этого терпеть не может...

– Она стянула у меня ирландский свитер, без которого я не могу обойтись. – Губы Патрика вытянулись в тонкую жесткую линию, в точности как бывало у его сестры. В это время вернулась Элисон с коробкой из-под обуви.

– Смотрите. Все это я нашла на пляже, на холме, в солончаках, а эти две выкопала из дюны. – Она высыпала содержимое коробки на стол, посреди вилок и ножей. Никто и слова не сказал по поводу потока грязного песка, просыпавшегося на столовые приборы, разложенные на вычищенной Дианой до блеска поверхности стола. Теперь там лежали несколько черепков, обломки резной кости и пара неопределенных фрагментов гнутого, ржавого металла. – Я думаю, это могила. Римская могила, – торжественно объявила она.

Воцарилась тишина.

Наконец Грег покачал головой.

– Едва ли. Если это вообще что-то, то, скорее всего, имеет отношение к древним соляным работам на глиняном холме. Я не хочу сказать, что это не интересно. Очень даже, – зато ропнул он исправить положение, заметив на лице сестры возмущенное выражение. – Надо все же разыскать кого-нибудь поблизости, кто в этом деле разбирается.

– Нет, – с жаром выпалила Элисон. – Не желаю, чтобы кто-нибудь знал об этом. Ни один человек. Это мое. Моя могила. Я нашла ее. И ты не смеешь никому рассказывать, понял? Никому на свете! Я собираюсь там копать. И все, что найду, – мое. Только заикнись кому-нибудь, и все пойдет прахом. Все!

Она сгребла свое богатство обратно в коробку, захлопнула крышку и пулей вылетела из комнаты.

– Пусть ее. – Диана с облегчением повернулась к плите. – Ей все это скоро наскучит, когда поймет, сколько требуется труда. И потом, я уверена, что там ничего нет. Ничего такого,

что могло бы заинтересовать человека в здоровом уме. – Она умиротворяюще улыбнулась. – Прибери со стола, Патрик, милый, и давайте есть, а то не успеем до приезда гостей.

Глава 5

Ногти его глубоко впились в ладони, вены набухли, натужно пульсируя на лбу и шее, но он молчал, молчал, словно кот, крадущийся к добыче. Ни единый лист не зашуршал под мягкими подошвами сандалий, ветка не хрустнула. Он бесшумно раздвинул листву и выглянул на поляну. Длинная туника и накидка жены его утопали в море колокольчиков – всплеск синего на синем. Рядом лежали оружие и одежда мужчины. Взору его предстал обнаженный меч – тускло поблескивавший в пятнистом от листьев солнечном свете клинок. До него доносились ее сладострастные стоны, он видел красные борозды, оставленные ее ногтями на его плечах. Никогда она не извивалась так под тяжестью его тела, ни разу не издала ни звука, не вспорола кожи его в экстазе. Под ним женщина, которую он обожал, боготворил, оставалась неподвижной; покорная, послушная долгу, она устремляла взгляд в потолок, и лишь губы трогала презрительная усмешка.

Он проглотил комок желчи, застрявший в горле, и, стараясь не выдать себя ничем, продолжал наблюдать, ожидая мгновения, когда страсть их достигнет высшей своей точки. Меч его висел на поясе, но он не притронулся к нему. Смерть, настигшая в момент свершения, отправила бы их к богам вместе. Слишком это просто, чересчур быстро. Наблюдая за ними, он чувствовал, как последние отблески любви закрадывались и находили себе место в густой, тягучей ненависти. Наказание, которое понесет жена его, продлится до конца ее дней; любовник ее примет такую смерть, какая способна умиротворить даже его гнев. Но, пока не настал момент, он станет ждать. Он примет ее обратно, пригласит к своему очагу и в свою постель с радушной улыбкой. Ненависть его и гнев не выльются наружу.

Жидкий солнечный свет, отраженный унылым садом, разлился по кабинету Роджера, забрызгав бледными пляшущими пятнами низкий потолок с тяжелыми дубовыми балками. Грег плюхнулся в отцовское кресло и, угрюмо насупившись, огляделся по сторонам. Нет, здесь он писать не сможет никогда. Каким-то образом надо Дристократку выдворить из дома – его дома – и самому вернуться обратно. Нельзя ее там оставлять. Маленькая комната была завалена холстами и альбомами для рисования. Мольберт втиснулся в узкое пространство между столом и окном; стол завален коробками с красками и карандашами, а также всевозможным хламом, перевезенным из коттеджа; новый запах льняного масла и растворителя забил обычные для этой комнаты ароматы старых книг, богатой коллекции Дианы, состоявшей из сыпучих порошков для чистки посуды и лавандовых полиролей для мебели. Он задумчиво поднялся. Порылся в холстах, выбрал один и поставил на мольберт. Затем снова сел, не сводя с него взгляда.

Портрет тревожил его. Он был одним из нескольких, написанных за последние два-три года. И на всех была изображена одна и та же женщина, всегда печальная, загадочная; скорее воплощение настроения, нежели образа; более предположение красоты, чем ее утверждение. Этот холст был самым большим – три на четыре фута; именно над ним он более всего трудился, именно он мучил его больше других.

Просидев несколько минут, покусывая костяшку большого пальца на левой руке, он огляделся в поисках кисти и палитры. Ошибка в цвете, вот в чем. Слишком она дымчатая, неясная. Ее следует выписывать цветом более определенным, чтобы подчеркнуть живость характера. Он стоял у мольберта, напряженно подавшись вперед и нанося на холст резкие мазки кистью. Чересчур красивая получилась, стерва, слишком соблазнительная. Надо написать ее такой, какая есть: шлюха, предательница, змея подколотная.

Работал он с жаром, даже кончик языка от усердия из угла рта показался, – затемнял лицо, прятал в тень щеки, выписывал глаза и губы, слегка менял волну волос; и с каждым новым штрихом ярость его возрастала.

Много времени прошло, прежде чем он бросил кисть и небрежно вытер руки о старый, поношенный свитер. Тогда он отступил на шаг и, прищурившись, стал разглядывать плоды своего труда, уверенный в том, что, по мере того как солнце станет опускаться все ниже, заскользит сначала по дельте реки, а затем по угрюмому зимнему лесу, освещение изменится вновь, а вместе с ним и ее лицо. Он кинул взгляд на палитру, отброшенную на отцовский стол, чувствуя, что гнев покидает его так же быстро, как явился, и не в силах понять, откуда он берет свое начало.

Глава 6

Свернув с шоссе, Кейт обнаружила, что они трясутся по ухабистой, неасфальтированной дороге, ведущей через лес. Перед ними расстилось небо, окутанное лохмотьями облаков, пылающих такими невообразимо яркими, насыщенными красками, которые наводят на мысль о близости моря.

– Надеюсь, нам недолго придется мучиться на этой дороге, – сказала Кейт, снизив скорость до пешеходной, когда малыш автомобиль в очередной раз ухнул в глубокую выбоину. Опустив оконное стекло, она с удовольствием вдохнула морозного воздуха, пропитанного острым смолистым ароматом сосны, земли и прелых листьев.

– Боюсь, будет только хуже. – Билл усмехнулся. – Придется тебе оставить машину у фермерского дома. Роджер или Грег перевезут твои вещи в коттедж на своем «лендровере».

Они подъехали к развилке. На деревянной, грубо сколоченной подпорке болтались две-три старых истерзанных поломанных пожарных метлы. Кейт остановила машину.

– Куда теперь?

– Направо. Мой дом – налево, примерно в полумиле. А усадьба вон там. – Он жестом указал направление, махнув в сторону ветрового стекла, и Кейт снова осторожно выжала сцепление. Дорога резко пошла под гору. Лес стал сгущаться, и они снова влетели колесом в яму.

Сосны перемежались со старыми могучими дубами, зарослями орешника, обвитого плющом и обсыпанного сухими плодами – утехой любителей лесных прогулок, – а также с непроходимой чащобой терновника.

Усадьба примостилась на опушке леса, окнами на восток, напротив солончаков. Узкая полоса поля и сада, проходившая за домом, позволяла редким солнечным проблескам слегка скрашивать пейзаж в коротком пространстве до следующего перелеска, отделяющего огороды от моря. Ни единого коттеджа не было видно и в помине.

Она остановила машину у почерневшего деревянного амбара и просидела несколько минут, оглядывая окрестности. Усадьба представляла из себя низкое длинное здание, выкрашенное розовой краской и увитое «ползунками», теперь голыми, а летом, вероятно, усыпанными цветами роз и клематиса. Даже в середине зимы местность выглядела поистине прекрасной.

– Какая прелесть.

– Не слишком пустынно? – Билл смотрел в сторону берега моря, расстилавшегося за домом. Куда ни кинь взгляд, всюду лишь ил, вода и серо-зеленые заплаты солончака. Низкий солнечный луч, похожий на пучок соломы, вспыхнул у них за спиной и протоптал в илистом берегу тропинку по направлению к морю. Яркое освещение продержалось одно мгновение и потухло.

Билл открыл дверцу машины и впустил в салон струю свежего колючего воздуха.

– Пошли. Скоро начнет темнеть. Пора устраиваться.

Здороваясь с хозяевами, поочередно, за руку, Кейт их разглядывала. Роджеру и Диане Линдси, как она решила, порядка пятидесяти лет. Приятные, спокойные, радушные. Она почувствовала, как тут же откликается душой на их доброту.

– Я подумала, что вам захочется выпить чашку чая, прежде чем отправиться в коттедж, – тут же заявила Диана, подводя Кейт к дивану. – Устраивайтесь поудобнее – да прогоните этих котов. А потом я позову сына. Он перевезет ваши вещи. В руках нести слишком долго.

– А у нее их целая куча, – вставил Билл. Он стоял спиной к камину, вытянув руки назад, поближе к тлеющим поленьям. – Компьютеры и всякое другое.

– Ах ты, Господи. – Диана озабоченно нахмурилась. – В таком случае вам тем более помощь требуется.

– А где находится коттедж? – Кейт, хотя она и наслаждалась согревающим, наводящим дремоту чаем и теплом, исходящим от камина, не терпелось туда добраться. Последние несколько дней ее не покидало возбужденное состояние, правда, приглушаемое тоской по Джону, чувством, которое она вызывала в себе намеренно.

– В полумиле отсюда. Через лес. Будете там жить прямо на берегу моря, милая. Надеюсь, вы захватили с собой побольше теплой одежды. – Диана заботливо долила чаю в чашку Кейт, втиснувшись для этой цели между ней и дверью на лестницу, где она заметила некоторое движение. Дети подглядывали. Того и гляди явятся. Она вздохнула. Настоящие младенцы. Она имела в виду Элисон и Грега. Патрик наверняка торчит наверху со своими компьютерами и не спустится, пока к ужину не позовут. И это ее старший сын – взрослый ведь человек, должен уже соображать, что к чему, – и дочь, от которой, если только она что-нибудь смыслит в характерах, еще жди неприятностей.

Она взглянула через плечо на Роджера.

– Кликни Грега. Я хочу, чтобы он помог мисс Кеннеди...

– Прошу вас, зовите меня Кейт.

– Конечно, Кейт. – Диана тепло улыбнулась ей. – Пусть начинает укладывать ее вещи в «лендровер».

– Мне не хотелось бы вас затруднять.

– Нисколько не затрудните. – Может быть, Кейт показалось, а возможно, и в самом деле эти слова прозвучали с мрачной решимостью.

Грег, появившись на зов, оказался человеком около тридцати или чуть старше, то есть, решила Кейт, ее возраста, может быть, немного моложе. Привлекательные черты лица слегка расплылись – излишек пива или недостаток заботы о себе, – свитер толстой вязки выпачкан краской. Он довольно дружелюбно пожал ей руку, но все же она почувствовала в нем некоторую отчужденность или скорее недовольство. Этого оказалось достаточно, чтобы поставить под сомнение первое благоприятное впечатление.

– Прошу прощения за причиненное беспокойство. Вот, заставляю вас отвозить вещи в коттедж. – Она с некоторым вызовом смотрела ему в глаза.

– Ничего не поделаешь, арендатора надо поселить со всеми предосторожностями, – ответил он. Голос глубокий, мелодичный, но холодный.

Вероятно, Билл тоже это почувствовал. Она заметила, как он нахмурился и с трудом поднялся с низкого дивана.

– Пошли, Грег. Я помогу тебе. Пусть остальные еще чайком побалуются.

Когда входная дверь отворилась и мужчины исчезли в стремительно наступающих сумерках, в трубу снаружи ворвалась струя пропитанного слабым яблочным ароматом дыма.

– Вы можете оставить свою машину в амбаре, Кейт, – гостеприимно предложил Роджер. Он откинулся на спинку стула и протянул ноги к камину. – Здесь она при любой погоде будет в безопасности. Заберете ее, когда пожелаете, а если нагрузитесь продуктами или чем еще, только свистните, и мы тут же доставим их вам. Ужасно неудобно – такое бездорожье. Я все время собираюсь попросить соседа подогнать бульдозер или что-нибудь вроде этого и выровнять дорогу. Но знаете, как это бывает, все руки не доходят.

– Я приехала сюда ради того, чтобы побыть в одиночестве, – с улыбкой ответила Кейт. – И не собираюсь туда-сюда мотаться. Прикуплю в ближайшем магазине продуктов про запас и отгоржусь на некоторое время от всего мира. – Эта мысль снова взволновала ее. Пустынность деревни после Лондона, чистый, прозрачный воздух, ворвавшийся в легкие, как только она вышла из машины, умножили ее нетерпение.

– Это у вас наверняка получится. В особенности в плохую погоду. – Роджер то ли хмыкнул, то ли хохотнул. – И все же помните, что там есть телефон. Через некоторое время вы этому

обстоятельству, может быть, и порадуетесь, а пока, если желаете тишины, отключите его. – Он повернул голову в сторону открывшейся двери.

– Все готово. – Билл улыбался всем одновременно. – Я думаю, если ты не против, Кейт, мне пора потихоньку трогаться к своему дому. Тут идти порядочно. Оставляю тебя на Грега, а сам вернусь завтра утром, если хочешь, при свете дня. Тогда покажу тебе, как тут пешком добираться и, быть может, пропустим с тобой по рюмочке, прежде чем ты отвезешь меня в Кольчестер, к лондонскому поезду.

В свете фар «Лендровера» листва казалась сверхъестественно зеленой. Они медленно отъезжали от дома и окунались во мглу. Кейт почувствовала, как сползает со скользкого детского сиденья, и со страхом схватилась за приборный щиток, чтобы хоть как-то удержать равновесие. Промелькнула тревожная мысль о компьютере, лежащем сзади.

– Простите. Наверное, слишком быстро еду? – Грег снизил скорость и взглянул на Кейт. Он уже успел обратить внимание на ее неброскую красоту. Волосы довольно бесцветные, но длинные и густые, фигура стройная, одежда дорогая, но у него сложилось впечатление, что она не слишком ею интересуется. Несомненный налет элегантности и достатка, сквозивший в ней, скорее врожденный, отметил он про себя, чем приобретенный, и мысль эта вызвала в нем раздражение. Ему показалось несправедливым, что ей дано так много. – Похоже, вы не робкого десятка. Немного найдется женщин, которые отважились бы жить здесь в одиночестве, тем более зимой.

Кейт разглядывала его профиль, тускло освещенный огнями приборного щитка.

– Да, я и в самом деле не робкого десятка, – ответила она. – И приехала сюда работать. Не думаю, чтобы у меня оставалось время на тоску.

– Прекрасно. А привидений, надеюсь, вы тоже не боитесь?

Идея поуготать ее привидениями принадлежала Элли. Стоило попытаться. Во всяком случае, пока что-нибудь получше в голову не придет.

– Привидения?

– Шучу, конечно. – Он не отрывал взгляда от дороги. – Эти земли принадлежали когда-то римскому воину, легионеру. Марку Северию Второму. В кольчестерском замке стоит его статуя. Красавчик. Мне нравится представлять, как он бродит по саду ночами, но должен признаться, никогда его не видел. – Он усмехнулся. Поспешись, людей насмешишь. Эта баба не так уж глупа. И наверняка не трусиха. – Уверен, что он мухи не обидит. – Он прищурился, сосредоточиваясь на дороге.

Кейт улыбнулась. Ее возбуждение все усиливалось.

Открывшийся взгляду коттедж оказался славной миниатюрной копией усадьбы. Они остановились, и в свете фар она увидела розовые стены, увитые «ползунками», черепичную крышу, дым из трубы – очаровательный загородный домик. Чуть поодаль тускло поблескивала поверхность моря, утопающего в высоких каменистых берегах. Не выключая фар, Грег вышел из машины и тут же направился к багажнику, даже не сделав попытки помочь ей выбраться и заставив возиться с незнакомой конструкцией дверной ручки. Когда она наконец справилась и, открыв дверь, прыгнула вниз, он выпрямился, и ветер швырнул ему в лицо прядь волос. Прежде чем она догадалась, чем он занят, он бросил ей связку ключей. Она не поймала, и ключи упали под ноги, в темноту.

– Руки-крюки. – Насмешка донеслась до нее с порывом ветра. – Открывайте дверь, я затащу ваше барахло и отправлюсь восвояси.

Дверь слегка разбухла от сырости, и ей пришлось толкать с силой. Когда она наконец с этим справилась, Грег уже с нетерпением стоял рядом, навьюченный коробками. Она долго шарила по стене в поисках выключателя. Наконец свет вспыхнул, и взгляду ее предстал холл с выкрашенными белой краской стенами, берущая из него начало лестница наверх и три двери – две слева, одна справа.

– Направо, – распорядился Грег. – Я все свалю, а вы уж сами разберетесь.

Она открыла дверь. Гостиная – низкий потолок и толстые балки, так же как у ее двойника в усадьбе, – с диваном и двумя креслами. В глубоком очаге мирно тлеют дрова, обогревая комнату. По трем остальным стенам – окна с узкими подоконниками, за каждым из которых чернела ветреная ночь под надзором отраженного света лампы. Она подошла и на всех окнах по очереди задернула занавески. К этому времени Грег уже принес вторую партию вещей.

– Ну вот и все, – сказал он наконец, не сделав попытки хоть как-то прибраться или помочь разложить вещи. Все было свалено в кучу посреди комнаты, на ковре. – Если что-нибудь понадобится, можете завтра сказать.

– Обязательно. Спасибо. – Она улыбнулась.

Он не ответил. Коротко кивнув на прощанье, повернулся и вышел из дома, плотно затворив за собой дверь. Подавив детский порыв броситься к окну и посмотреть вслед, она увидела, как занавески осветились фарами, свет заскользил по ним и пропал. Она осталась одна.

Выйдя в коридор, она закрыла входную дверь на засов и вернулась обратно. Как и следовало ожидать, в наступившей тишине подкатила волна одиночества. Она вздохнула и огляделась по сторонам. В глубине души она надеялась, что в первый вечер Билл останется с ней. Или хозяин дома на ужин пригласит.

Вплоть до последнего момента дни проходили в сплошной суете. Собиралась, паковалась, брала книги в Лондонской библиотеке – словом, устраивала свою новую жизнь, отдельную от Джона. Времени на раздумье не оставалось, и наступавшая к вечеру усталость была желанной, ибо не позволяла погружаться в размышления. Нельзя и здесь расслабляться, хотя бы и именно потому, что времени теперь на это будет предостаточно. Она гордо распрямила плечи. Здесь также и для работы времени хватит, но сначала надо обследовать свое новое жилище.

Дом был совсем маленький. Внизу гостиная, крохотная кухня и примыкающая к ней ванная, еще меньше. Наверху две спальни, практически равноценные. Кровать стояла лишь в одной из них. В этой комнате явно пытались навести уют. Комод и небольшое, викторианского стиля кресло, обитое потертым, золотистого цвета бархатом, с двумя мягкими подушками. Новый ковер на покатам полу и гардероб, упирающийся в низкий потолок. В гардеробе несколько проволочных «плечиков». Кейт снова сошла вниз. Внутреннее возбуждение и дух приключения постепенно таяли. Тишина начинала давить. Глубоко вздохнув, она прошла на кухню и взяла чайник. Пока он закипал, она отнесла два чемодана наверх и оставила их там. Платья и пару юбок, привезенных сюда, можно развесить и позже. Остальная одежда – джинсы, брюки, свитера – пойдет в комод и тоже подождет до завтра. Сегодня вечером ей не хотелось этим заниматься.

Аккуратно разложив некоторые книги и бумаги на столе в гостиной и распахив продукты и бутылку виски, привезенные с собой, по кухонным шкафчикам, она почувствовала, что слишком устала и не в состоянии больше ничем заниматься. Налила себе чаю, выбрала пару кассет и в изнеможении опустилась на диван у камина. Поджав под себя ноги, обхватив ладонями кружку, она слушала магнитофонную запись музыки в исполнении Воэна Вильямса, странным образом уверенная в том, что за окном, зажатое каменистыми берегами, тяжело вздыхает и ворочается гигантское море, хотя слышать этого не могла.

Она должна быть собой довольна. Наконец оказалась в деревне. Можно начинать работу. Она получила мир и покой, о котором мечтала, – поведение Грега не оставляло сомнений в том, что уединение ее не будет нарушено, – и все же не покидало мучительное ощущение тоски, чувство неудовлетворения, никоим образом не связанное с Джоном, будь он проклят. Всего три недели назад она жила с ним, готовилась к работе над книгой, благополучная жительница Лондона, в обозримом будущем, во всяком случае, а теперь вот она, пожалуйста, – в маленьком домике на суровом северо-восточном берегу Эссекса, с чужими людьми по соседству, без

денег, без любимого, без определенного места жительства, в компании с одним лордом Байроном.

Взглянув на то место, где на полу освещенные лампой лежали коробки с книгами, она беспокойно вскочила. Подошла к ним, достала из кармана джинсов очки и, преодолевая усталость, принялась срывать с крышек клейкую ленту. Надо оставаться твердой в своих намерениях. Забыть Джона. Забыть Лондон. Выкинуть из памяти все, кроме книги.

Наверху стукнула дверь, и Кейт подскочила от страха. Подняв голову к потолку, она почувствовала, как сердце тревожно заколотилось где-то у самого горла. Только минуту спустя она заставила себя выпрямиться.

В доме никого нет, это, должно быть, ветер, и все же у лестницы она остановилась, напряженно вглядываясь в темноту: в памяти всплыли рассказы Грега о легионере.

Взяв себя в руки, она поднялась на верхнюю площадку. Обе двери распахнуты, как она их оставила. Включив свет, она заглянула в спальню, куда сложила чемоданы, рядышком, у гардероба. Оглядев комнату, убедилась, что все на месте, и выключила свет. То же самое проделала по другую сторону площадки, во второй, пустой спальне, где неприятно кольнул вид незанесенных окон. В стекле отражался холодный свет свисающей с потолка голой лампочки, и Кейт вновь удивилась тому, насколько черна ночь.

Нахмурившись, она спустилась вниз. Ничего не обнаружила такого, что могло бы вызвать этот звук. Заглянув по ходу в ванную и кухню, она вернулась в гостиную.

В комнате стало прохладно. Подойдя к камину, она заглянула в него с сомнением и, заметив, что милое сердцу теплое свечение исчезло, наклонилась и взялась за задвижку. Железо обожгло. Она выругалась про себя и огляделась в поисках какой-нибудь тряпицы. Ничего подходящего не обнаружилось, и она, потянув за рукав свитера, обмотала им пальцы и тогда, щелкнув задвижкой, распахнула дверцу топки. Там не было ничего, кроме тлеющих угольков.

Она снова огляделась, но тут же поняла, что, совершая экскурсию по дому, не искала уголь или корзину с дровами. Жизнь в Лондоне ее избаловала, в голову не проходило заботиться о таких вещах. Для этого существовало центральное отопление. Теперь она поняла, что, скорее всего, обогрев дома и наличие горячей воды зависит от этой маленькой печурки. Почему же Грег не обмолвился об этом ни словом? В первую очередь должен был объяснить, как обогреть помещение. Она возмущенно покачала головой. Наверняка промолчал намеренно. Надо быть непроходимой тупицей, чтобы не заметить его враждебность, недовольство. Прочитав горожанку. Ну что ж, если горожанка не собирается здесь околеть от холода, придется раздобыть топливо. Недолгие поиски увенчались находкой: в одном из кухонных ящиков обнаружился коробок спичек. И на том спасибо. Ей, не курящей, не приходила мысль захватить с собой спички. А фитиль, горелка? Нет как нет. Ругая себя на чем свет стоит за собственную глупость, она поняла, что придется отправиться на поиски во двор.

Гоня от себя мысли о так и не нашедшем объяснения постороннем шуме, она надела куртку, натянула перчатки и, преодолевая внутреннее сопротивление, вышла в прихожую. Отперев замок и отодвинув засов, она распахнула дверь и вышла в ночь.

Ветер подхватил волосы, откинул их с лица и обжег щеки. Он был свежий, колючий, насыщенный ароматом моря и сосен, толпившихся сразу перед травянистым газоном. Она некоторое время стояла неподвижно, отдавая себе отчет в том, что в дверях ясно виден ее силуэт. Напомнив себе, что подглядывать за ней некому, она проследила путь яркой световой дорожки, бравшей начало у ее ног, пересекавшей газон и пропадавшей среди деревьев. По обе стороны от нее густела темнота. Помимо запущенного газона с растрепанной ветром травой и космами высохших сорняков, не было видно ни зги.

Преодолев нежелание, она отошла от двери и направилась вдоль фасада, вытянув руку перед собой и ощупывая шершавую поверхность оштукатуренной стены. Постепенно свыкаясь с темнотой, она стала замечать звезды, одну за другой вспыхивавшие над головой, заплатки

облаков, бледных на темном небе, и тогда наконец услышала шум прибоя, нежно поигрывавшего с прибрежной галькой, и вздохи ветра в чаще деревьев. Дойдя до конца стены, она, прищурившись, чтобы лучше видеть, заглянула за угол. Где-то посередине, не доходя до следующего угла, к стене пристроился сарай с односкатной крышей, в котором наверняка держали дрова. Она ускорила шаг, почувствовав себя уверенней. Ноги сразу промокли, утопая во влажной траве.

Наконец пальцы нащупали доски сарая – необструганные, занозистые, даже сквозь перчатки, прибитые внахлестку. Она обошла его вокруг, пока не наткнулась на дверной проем. Там она остановилась в нерешительности. Вход зиял раскрытой пастью, и тьма в нем казалась еще гуще по сравнению с блистательным мраком ночи. Но зато оттуда доносился запах дерева. Густой, вязкий, теплый, он плыл прямо на нее. Нагнувшись, она вошла внутрь. Вытянутые вперед руки никакой преграды не обнаружили. Она потянулась чуть дальше, и тогда пальцы внезапно наткнулись на что-то ледяное. Ручка. Что бы там ни было, но из рук этот предмет выскользнул и шлепнулся с лязгом на землю. Она нагнулась и подняла его. Лопата. Это оказалась лопата. Прислонив ее к стене, она, нагнувшись пониже, прошла дальше. И там наконец ее согнутые пальцы нащупали сложенную ярусом поленицу: торцы поленьев были неровные, острые, а бока шершавые и округлые. Она осторожно потянула одно. Вся поленица зашаталась, и она, отдернув руку, отступила.

– Сверху, идиотка. – Она неожиданно для себя самой произнесла эти слова вслух, и звук собственного голоса слегка успокоил. Чуть распрямившись, она нащупала верхний ряд поленицы и один за другим сняла четыре полена. Это все, что она смогла бы унести. Прижимая дрова к груди, она, пятясь, выбралась из сарая и вернулась обратно к углу дома. Оттуда ее довел до крыльца весело манящий поток света из прихожей. В дом она почти влетела, сбросила дрова на пол, захлопнула дверь и снова закрыла на засов.

И только взглянув под ноги, на покрытые опилками и паутиной поленья, она поняла, какого натерпелась страху.

– Идиотка, – повторила она вслух. Покачивая головой, как бы в упрек самой себе, она принялась стягивать куртку. Чего он так боялась? Тишины? Леса? Темноты?

Она боялась темноты когда-то ребенком, лежа в постели в собственной маленькой спальне, рядом с комнатой Анны, в их доме в Хирфордшире. Ночь за ночью, не смыкая глаз, не в силах пошевелиться и не отваживаясь дышать, она обшаривала взглядом комнату – в поисках чего? Там никогда ничего не было. Ничего страшного, кроме ужасного, всеобъемлющего чувства одиночества, кроме страха перед тем, что все ушли из дома и бросили ее. Или умерли. Мама сама в конце концов догадалась или она призналась? Этого она уже вспомнить не могла, но помнила, что мама дала ей ночник. Ночник этот был в виде совы, белой фарфоровой птицы с огромными оранжевыми когтями и большими загадочными глазами.

– Ты напугаешь ребенка до смерти этим чудовищем, – сказал отец, сельский врач, не имевший свободной минуты для собственной семьи, когда мама достала с чердака лампу, но Кейт полюбила ее. Маленький ночничок загорался внутри, и тогда птица становилась прозрачно-кремовой, глаза ее оживали. Птица была добрая, мудрая, она оберегала Кейт, дружила с ней и прогоняла страхи. Повзрослев, Кейт перестала зажигать лампу, сохранив ее в качестве украшения, но страх, теперь полностью объяснимый и контролируемый, остался. Временами, уже будучи студенткой университета, она лежала по ночам в своей комнате в общежитии, натянув одеяло до самого подбородка, вцепившись в подушку и прижав ее к груди, и не мигая смотрела на темный прямоугольник окна. Теперь страх ушел. Остался один лишь след от него. Она на ночь всегда раздвигала занавески на окнах. Если они оставались закрытыми, темнота вызывала у нее приступ клаустрофобии. Джон смеялся над ней, но шторы раздвигал. Ему самому нравились открытые окна, он любил смотреть, как занимается над лондонскими

крышами рассвет, как первые утренние дрозды рассаживаются по телевизионным антеннам, рассыпанным над городом, и принимаются распевать свои песни.

Ну вот, а теперь Кейт стала взрослой, самостоятельной и ничего не боится. Взяв себя в руки, она собрала поленья, прошла в гостиную и аккуратно сложила их в очаг. Открыв топку, снова заглянула внутрь. Тлеющих угольков осталось совсем мало. Она задумчиво посмотрела на поленья. Если положить одно в топку, оно лишь заглушит последние искры, и тогда всему конец. Растопки у нее не было. Нужна газета и несколько сухих щепок, чтобы развести огонь. Она огляделась.

Сетка для овощей в кухне была прикрыта газетой. Она схватила ее и стряхнула комья земли, оставшиеся от давным-давно съеденной картошки, на кухонную доску. Вполне хватит на четыре приличных пыжа. Обложив ими со всех сторон полено, она поднесла горящую спичку, затем закрыла заслонку и открыла вытяжку. Внезапная яркая вспышка порадовала сердце, но в душу закралось сомнение: вдруг газета прогорит, а полено так и не схватится?

Она оглянулась через плечо на комнату и вздрогнула. Прежнего уюта как не бывало. Компьютер с принтером, сваленные на столе, смотрели на нее с упреком; коробки с картотекой, записные книжки, картонки с книгами – все вповалку. Кейт взглянула на часы. Восемь. Она проголодалась, она устала и замерзла. Надо сварить и съесть яйцо, выпить чашку какао, принять горячую ванну, если печка, конечно, раскочегарится, и залечь в постель. Все остальное подождет до завтра. До утра. До рассвета.

Глава 7

Было очень холодно и почти совсем темно. Плотнo укутанная – мохеровый свитер, толстая куртка, две пары носков, сапоги, перчатки младшего брата, – Элисон Линдси, спрятавшись за деревьями, наблюдала за тем, что происходит в коттедже. Там было темно. На первом этаже окна занавешены, зато на втором, на двух окнах фасада, выходящих в сад, шторы раздвинуты. Она нахмурилась и, собрав все свое мужество, бросилась бегом через газон, напрямиком к деревянному сараю. Забравшись внутрь, принялась исследовать помещение на ощупь, в темноте. Через несколько секунд возмущенно охнула. Инструменты, ее инструменты исчезли. Пнув ногой поленицу, отскочила со смешанным чувством страха и злорадства – одно полено поползло вниз. Уворачиваясь от посыпавшихся дров, она ждала, пока обвал не прекратится и не стихнет грохот. Пыль осела, но со стороны коттеджа не донеслось ни звука.

– Спит Дристократка, – прошептала она и презрительно улыбнулась. Затем повернулась к выходу и тогда заметила лопату. Она стояла в углу.

Прихватив ее, Элли вышла навстречу безмолвному рассвету. До восхода солнца еще далеко. Утро было сырое и промозглое, морская гладь еще исчерчена ночными длинными тенями, уходящими далеко, во мглу.

Легкой рысцой она направилась к берегу и спрыгнула в яму, выкопанную в дюне со стороны моря. Ее дюны.

Она с радостью отметила, что большого прилива ночью не было. Полоска морских водорослей, еще сырая от пены, нескольких футов не достигала места ее раскопок и за ночь не приблизилась ни на дюйм. Высунув кончик языка, она принялась за работу: делила податливый песок на участки, отгребала его со склона дюны. Откуда-то из прибрежной мглы донесся крик чайки.

Несмотря на теплые перчатки, руки заledenели уже через несколько минут, и вернулась головная боль. Она раздраженно вздохнула и, прекратив работу, облокотилась на рукоятку лопаты и принялась дуть на закутанные в шерсть пальцы. Песок сыпался оттуда, где она его разворошила, и мало-помалу у нее на глазах осыпался сам по себе еще один участок и обнажил нечто большое, выгнутое и блестящее. Отшвырнув лопату, она нагнулась и тщательно очистила предмет от песка. Еще один осколок керамики. Гораздо больше прежнего. Достаточно крупный, чтобы понять – когда-то это была чаша или ваза. Даже сквозь перчатки, считая последние приставшие песчинки, она осязала выпуклость орнамента. Она долго разглядывала, затем осторожно отложила его и с новым приливом сил набросилась на песок. Еще несколько минут – и появился другой предмет. Узкий, погнутый, позеленевший от ржавчины кусок старого металла. Забыв о боли в висках, она с жадностью схватила его. Толщиной в мужской большой палец, несколько дюймов длиной, с шишкообразным, грубой формы, концом. Повертев предмет в руках, внимательно разглядывая со всех сторон, она выбралась из своего карьера и побежала по каменистому берегу к морю. Галька была влажная, пахла солью и тиной, там и сям вперемежку с ночной добычей – ракушками и мертвыми крабами. Поблизости ими промышляли чайки. Спустившись вниз, почти ступив в воду, она промыла железку в море и снова осмотрела. Чище не стало. Проросла зеленью. Она сняла перчатку и осторожно провела пальцем по поверхности, ощутив некоторые симметричные неровности, как будто в далеком прошлом там был орнамент, навеки скрытый теперь слоями, нанесенными временем, морем и песком.

Возбужденная находкой, Элисон снова направилась было к дюне, но по пути остановилась. Неожиданный порыв ветра взметнул горсть песка, закружил в вихре, понес вдоль берега и рассыпал. За спиной у Элли появился на горизонте первый проблеск солнца. Некоторое время она, насупив брови, раздумывала. Появилось пугающее ощущение, что кто-то за ней наблю-

дает. Передернув плечами и оглядываясь по сторонам, она засунула свою находку поглубже в карман куртки. Даже если кто-то и есть, то наверняка знакомый. Джо Фарнборо с фермы, или Билл Норкросс решил прогуляться с утра пораньше, или даже Дристократка собственной персоной; а может быть, кто-нибудь собаку выгуливает на берегу.

Лопата по-прежнему лежала там, куда она ее бросила, в песке, и Элли сделала к ней нерешительный шаг. По затылку мурашки забегали. Странное чувство, никогда раньше такого не испытывала, но в глубине души она точно знала, что оно значит. За ней следят! В памяти неожиданно вспыхнули строки стихов. Однажды, когда она была еще совсем ребенком, их прочла ей мама. Кровь холодела в жилах маленькой впечатлительной Элисон, когда она, широко распахнув глаза, слушала эти стихи. И они остались в памяти. Это были единственные стихи, которые она знала наизусть.

Когда заката отблеск догорает,
Пора подумать о ночлеге и кострах,
Из тьмы лесной крадучись подступает
Коварный, ледящий страх...

Животный страх. Страх перед опасностью, невидимой взглядом. Она нервно облизнула губы.

– Глупая корова, – сказала вслух, имея в виду себя. – Тупица. Иди. Ну же, двигайся. Что с тобой?

Солнце продолжало свое восхождение по небу. Море заливало красным цветом и мало-помалу становилось светлее. Сжав кулаки, Элисон шагнула к лопате. Ее всю трясло, и во рту пересохло. Трясет от холода, конечно, от чего еще? Скрипя зубами, она прыгнула в яму и схватила лопату обеими руками, вытянула ее впереди себя. Снова подул ветер, подхватил полы куртки и вздыбил колоколом, растрепал волосы, захлестал прядями по глазам. У ног вновь закружился штопором песок. Она протерла глаза тыльной стороной ладони. Песок вздыбливался, поток его сгущался и приобретал форму человеческой фигуры.

Медленно пятясь, она вскарабкалась вверх и пошла к коттеджу. Еще секунда – и припустилась бегом. Пронеслась через лужайку, завернув за угол, швырнула лопату в сарай и помчалась к зарослям деревьев.

В дюне, забытый и уже присыпанный новым слоем песка, остался осколок керамики, покрытый красноватой глазурью.

Глава 8

Некоторое время Кейт лежала, уставившись в низкий потолок и пытаясь понять, где она находится. Сон был реальный, тревожный. Свернувшись под одеялом в тугой клубочек, она пыталась восстановить сон, сообразить, что в нем было такого пугающего, но детали уже ускользали из памяти, и в конце концов, с некоторым облегчением, она отказалась от попыток и села в постели, разглядывая незнакомую комнату. Было очень холодно. Рассеянный сероватый свет – такого ей никогда не приходилось видеть – просачивался сквозь незанавешенные оконные стекла. Жутковатый, мерцающий. Завернувшись в одеяло, она подошла к выходящему на восток окну и выглянула наружу. Море было грифельно-черное, посеребренное туманом, а над ним низко висело солнце – темно-малиновый шар – не отражаясь в воде и не давая света. Мрачная, безрадостная, безнадежная картина. Кейт передернула плечами и отвернулась от окна. Подобрав одежду, она, чувствуя, что ноги совсем заledenели, сбегала вниз по лестнице и заглянула в гостиную. Там шторы на окнах были по-прежнему задернуты. Раздвинув их, она открыла печную заслонку и, заглянув внутрь, совсем расстроилась. Ни огня, ни тепла. Даже железо остыло.

– Проклятье! – Она смотрела на единственное полено, едва тронутое вчерашним газетным костром. Чтобы теперь его разжечь, нужна растопка – щепки, побольше газет...

Так, значит, и горячей воды не будет. Дрожа всем телом, она отказалась от мысли помыться и натянула джинсы. Пара шерстяных носков, толстый свитер, и вот она готова к очередному походу за дровами.

Снаружи холод пробирал до костей. При свете дня оказалось, что дом окружен небольшим садом – площадка нестриженого газона и пара маленьких голых цветочных клумб; за ним, в холодном свете раннего утра, расстился участок, заросший травой, более густой, кустистой, спутанной; затем, внезапно обрываясь, он переходил в песчаные дюны и каменистый берег моря.

Выйдя на крыльцо, она краем глаза уловила какое-то движение за углом, замерла и с удивлением обнаружила, что сердце снова забилося чаще обычного. Ночные страхи вернулись, безмолвие и необитаемость леса тревожили. Заставив себя спуститься с крыльца и оглядеться, она, к собственному облегчению, поняла, что испугал ее всего-навсего кролик. Нет, три кролика. Увидев ее, они застыли столбиками, вытянув вверх уши, округлив от ужаса глаза, и, сорвавшись с места, бросились к деревьям. Она улыбнулась, развеселившись, но нимало не устыдилась собственных страхов. Нужно, просто необходимо взять себя в руки.

У входа в сарай она остановилась. На пороге лежала лопата. Она нагнулась и подняла ее. Края штыка были облеплены комьями влажного песка. Кто-то совсем недавно пользовался лопатой, во всяком случае после того, как она побывала здесь ночью. Она прошла взглядом по полоске леса, но там было тихо и пустынно. Даже кролики убежали. Пожав плечами, она набрала охапку дров и на этот раз заметила аккуратно сложенную в углу кучку для растопки. Напихала полные карманы щепок и коры – с этим растопить печку будет куда проще.

Горячий кофе и весело пляшущие язычки пламени в печке настроение заметно подняли. К тому же в шкафу в ванной она нашла электрический водонагреватель – замена на случай необходимости более изысканному, но гораздо менее надежному печному источнику горячей воды. Она съела миску кукурузных хлопьев с молоком и всерьез приступила к распаковке.

Поглядывая время от времени в окно, она замечала, что день постепенно проясняется. Туман рассеивается, солнце набирает силу. К тому моменту, когда она опустошила коробки, сумки и сложила их в нежилую спальню, сверкающее синевой море в точности совпадало по цвету с небом.

Отвернувшись от незанавешенного окна, она наткнулась взглядом на груды холстов, сложенных за дверью; вчера она их не заметила. Они стояли, натянутые на подрамники, лицом к стене, спрятавшись в густой тени. Она с любопытством повернула один к себе. Это был морской пейзаж, написанный в необычной, сюрреалистической, жутковатой манере – такое море может только в ночном кошмаре привидеться. Поджав губы и сдвинув брови, она повернула второй подрамник. На нем оказался тот же пейзаж, как, впрочем, и на третьем и на четвертом. На следующих двух был изображен коттедж; на первом – игрушечный, похожий на коробку шоколадных конфет домик, охваченный пламенем пожара; на втором – тот же дом, как если бы он стоял на дне того самого кошмарного моря. Она долго рассматривала последний и, вздрогнув, поставила его на место, лицом к стене. Все эти картины написаны были одной и той же рукой, рукой несомненно мощной, талантливой, но они ей не понравились. Жестокие, какие-то вывернутые наизнанку.

Закрыв за собой дверь и не в силах унять дрожь, она сбежала вниз по ступенькам и вернулась в залитую солнцем гостиную, где на столе, аккуратно сложенные, дожидались ее книги и бумаги. Усилием воли выкинув из головы только что увиденные картины, она задумчиво смотрела на стол.

Книга была уже готова полностью у нее в воображении, осталось только написать, и она должна была стать лучше «Джейн». Кейт улыбнулась, придвинула к себе клавиатуру компьютера и включила процессор.

Стук в дверь двумя часами позже заставил ее вздрогнуть от неожиданности. Она начисто забыла о Билле.

– Привет! – Он улыбнулся и прошел за ней в гостиную. – Как поживаешь? Обедать пойдем?

Она смотрела на него, но при этом была далеко в своих мыслях, не желая терять настрой, вся в нетерпении продолжить работу.

Билл внимательно наблюдал за ней.

– Один – ноль в их пользу, – тихо произнес он. – Ты даже не слышишь, что я говорю. Я помешал. Расстроил связь писателя и музыки.

– О, Билл, прости. Но я все слышала. – Кейт заставила себя встряхнуться и вернулась к реальности. – К черту музыку; она может вполне подождать пару часов. Кстати, идея превосходная, пообедаю с удовольствием.

Она радовалась прогулке по лесу, с любопытством смотрела по сторонам, отмечая про себя, как свеж воздух, как мягка и податлива песчаная дорога, как таинственно перешептываются пахучие сосны, по-зимнему сонный дуб и березы, одетые в яркие новые сережки; она шагала рядом с Биллом, засунув руки в карманы, отбросив мысли о прошлом отца поэта, безумного Джека Байрона, и повествовала о своих вчерашних приключениях.

– Очень похоже на Грега, должен сказать, – не объяснить, как печь растопить и где дрова взять, – сказал Билл, покачивая головой. – С ним тут одна загвоздка, он раздосадован тем, что пришлось пожертвовать для тебя домом. – Он отшвырнул ногой подгнившую ветку, перегородившую путь.

– Я не знала, что он тут жил.

– Да. Грег прекрасный художник. Он бросил университет шесть лет назад, так и не получив искусствоведческого диплома, вернулся сюда, домой, и более или менее прижился. Это случилось перед тем, как Роджер ушел на пенсию – не знаю, слышала ты или нет, у него рак. – Он немного помолчал. – Так или иначе, Линдси баловали Грега немилосердно, другого слова не подберешь, Роджер даже давал ему некоторое пособие, но, когда ему самому пришлось бросить работу, стал намекать, и достаточно откровенно, что пора бы сыночку поднять свою задницу и поискать работу, помочь семье. Но, судя по всему, у Грега в одно ухо входило, в другое выходило. Он убежден, что талант дается свыше и весь мир обязан содержать его, чтобы он

мог свой талант лелеять. Бедняжка Диана, не представляю, как она справляется. Идея сдать дом едва ли пришлась по душе старику Леонардо³, как ты легко можешь себе представить. Он наверняка брыкался изо всех сил. Так что не принимай его враждебность на свой счет. Но и не рассчитывай, что он явится на поклон с букетом цветов.

Кейт нахмурилась.

– Надо было раньше все это рассказать.

– А зачем? Разве это изменило бы твои намерения?

– Нет. Но это многое объясняет. – Она помолчала. – Я нашла в спальне картины. Он, вероятно, забыл их.

– Сомневаюсь. Наверняка оставил намеренно. То есть хотел, чтобы ты их увидела. – Билл взглянул на нее. – Мрачноватая живопись, на мой взгляд.

Она кивнула.

– Мне не понравилось. Там на одной картине коттедж изображен под водой. Это... – она пыталась подобрать верное определение, – все как-то болезненно, удручает...

– Не обращай внимания. Мы попросим Диану забрать их.

– А не стыдно капризничать?

– Нисколько. Не забывай, что ты такой же художник, как и он. Даже лучше, ибо более дисциплинированный. И тебе на роду написано быть столь же щепетильной и впечатлительной. – Он усмехнулся. – Чувствуешь себя щепетильной и впечатлительной?

– Нисколько. Скорее изголодавшейся.

– Прекрасно. В таком случае давай отыщем твою машину и отправимся питаться.

В усадьбе никого не было. Бросив беглый взгляд в окна, дабы убедиться в отсутствии обитателей, они направились к амбару. Машина Кейт стояла там, аккуратно припаркованная к старенькому «вольво».

– Машина Дианы, – объяснил Билл. – Далеко они уехать не могли все вместе на своем дьявольском «Лендровере», если только не намерены зубы порастерять.

К тому времени, когда они добрались наконец до бетонного шоссе, Кейт стала думать, что Билл прав, при таких дорогах, пожалуй, придется ради своей машины пожертвовать несколькими зубами и, как только поступит следующий аванс, прикупить старенькую развалину с двумя ведущими мостами на то время, что она собирается здесь провести.

Они заказали жаркое в «Черном лебеде», очаровательной длинной низкой харчевне, с выкрашенными розовой краской стенами, в полутора-двух милях от лесной дороги, и уютно устроились поблизости от огромного дровяного камина, в котором, нежно потрескивая, тлело полено, распространяя острый, пряный яблочный дух. Если не считать улыбчивой розовошейной девушки за стойкой, они были там единственными посетителями.

– Ну как, думаешь, понравится тебе в Ридоле? – Билл уселся на стул с высокой спинкой и, протянув ноги к огню, глубоко и удовлетворенно вздохнул. Поднес кружку к губам и с удовольствием отпил большой глоток.

Кейт кивнула.

– Здесь прекрасно работается.

– Одиночество тебя не пугает?

Она покачала головой.

– Должна признаться, вчера было чересчур тихо. Только море. Но я привыкну. Для работы лучшего не придумаешь. – Приподняв свой стакан – она заказала виски с водой, – Кейт задумчиво посмотрела на Билла. В толстом свитере ручной вязки, в сорочке с распахнутым воротом он отдаленно напоминал ей длинношерстную овчарку. – Ты с Джоном разговаривал, перед тем как он уехал?

³ Имеется в виду художник Леонардо да Винчи (примеч. перев.).

Он взглянул на нее поверх кружки.

– Однажды. Он позвонил мне и спросил, не знаю ли я, куда ты собралась.

– И ты сказал? – Она отвернулась, чтобы он не заметил по глазам, насколько ей хочется услышать в ответ на свой вопрос: «Да».

– Нет. – Наступила напряженная пауза, пока он потягивал пиво. – Мы поболтали на разные темы, имеющие отношение к мужскому шовинизму – с его стороны – и о неуместном рыцарстве – с моей, а также о профессиональной ревности – общей, – и тогда я сказал ему, чтобы он проваливал в Америку и оставил тебя в покое. Я был не прав?

– Прав. – Это слово прозвучало не слишком уверенно.

Она вспоминала их последнюю встречу. Джон уже собирался ехать в аэропорт. Такси ожидало у дверей, чемоданы были собраны, а она, не желая прощаться, опасаясь, что решимость ее дрогнет, если увидит его еще раз, вернулась в квартиру, предполагая, что он уже уехал. Первый порыв – повернуться и убежать, но он уже заметил ее, и потом они, в конце концов, оба взрослые люди. Некоторое время они молча смотрели друг на друга, затем она с улыбкой потянулась к нему и чмокнула в щеку.

– Береги себя. Развлекайся. Желаю успеха. – Поначалу она думала, что он отвернется, не сказав ни слова в ответ, но он все же улыбнулся, несколько растерянно.

– Ты тоже береги себя, Кейт, любимая моя. Не слишком увлекайся стариком Джорджем, не забывай о себе.

Оба чувствовали себя натянуто, неловко, у обоих кошки скребли на душе. Вот как это все было. Подхватив чемоданы, он вышел к такси и сел, не сказав больше ни слова и не оглянувшись. Она так и не узнала, что глаза у него были полны слез.

– Моя бабушка была ирландкой, – сказал Билл, прервав сочувственное молчание. – И была до отказа напичкана поучительными афоризмами. Больше всего любила такой: «Чему быть – того не миновать». Мне кажется, он очень подходит в данном случае.

Кейт рассмеялась.

– Ты прав. Нам необходимо побыть врозь некоторое время. – В этот момент официантка принесла ножи и вилки, обернутые белоснежными салфетками, огромный сосуд с манговой приправой и большие солонку и перечницу в виде пары поношенных сапог. – Но если он снова позвонит, ты все-таки объясни ему, где я обитаю. – Она встретила взглядом с Биллом, и оба с облегчением улыбнулись.

– А у тебя есть женщина, Билл? – Желая поменять тему разговора, она вовсе не собиралась допустить такую бестактность, но он не уклонился от ответа.

– В настоящий момент только тетушка Биб⁴ – богиня, на которую я гну спину. Когда-то была одна, но тоже сбежала. – Он замолчал, погрузившись в воспоминания, и отпил еще один большой глоток из пивной кружки. – Надеюсь, ты не предлагаешь себя. Предложение, конечно, весьма соблазнительное, и я был бы польщен, но мне кажется, для нас обоих это было бы нехорошо.

– Я ничего не предлагаю. Просто мне необходим друг. Кто-нибудь, кто время от времени погулял бы со мной по лесу и отвел бы в кафе поесть кари⁵.

– Заметано. Но, увы, не сразу. У меня очень насыщенная программа вплоть до Рождества.

Она сама удивилась, как глубоко расстроили ее эти слова. Знала, что он должен вернуться в Лондон, и все же рассчитывала на него в следующие выходные.

– Хочешь еще виски? – Он внимательно все это время наблюдал за ней и успел заметить промелькнувшую в глазах тоску.

Она кивнула и протянула стакан.

⁴ Би-би-си.

⁵ Жаркое с острым соусом.

– Тогда выпьем за лорда Байрона. К тому времени, когда мы снова с тобой встретимся, я надеюсь, он уже будет размером в несколько глав.

Оставив Билла на станции в Кольчестере, она решила осмотреть город, самый крупный центр из ближайших к ней на последующие несколько месяцев. В книге Певзнера, которую она просматривала в Лондонской библиотеке, этот городок был описан с любовью, но теперь красно-кирпичные универсамы шестидесятых годов заметно вытеснялись постройками восьмидесятых, из стекла и бетона, на месте которых, по всей видимости, и красовалась когда-то большая часть того, о чем писал Певзнер. Огорчившись этому обстоятельству, она решила все-таки осмотреть музей в замке.

Когда она пересекла мост и вошла в высокие двери, за которыми располагались билетные кассы, на массивное приземистое здание замка уже ложились предвечерние тени. Помещение было безлюдно и казалось загадочным. Издалека неодушевленным драматическим голосом вещало видеоустройство – звуковой эффект и назойливость повествования казались совершенно неуместными в этом замке, где под низким потолком размещались стеклянные витринные стойки. Она не торопясь обходила зал первого этажа, разглядывая экспонаты, представляющие бронзовый и железный века, постепенно приближаясь к источнику звука.

Несколько минут она смотрела видеоролик, повествовавший о римлянах в Кольчестере, затем повернулась и стала медленным шагом подниматься по лестнице. На втором этаже размещалась экспозиция времен Римской империи: фигуры в человеческий рост, красочные и гораздо крупнее, чем на панорамной стенной росписи, и снова видеолекция, на этот раз о походе Будикки и разграблении города.

Бедная Будикка. Кейт медленно бродила по залу, разглядывая экспонаты, восстанавливавшие поэтапно ее жизнь: жена Просутага, дети, политическая канва Британии первого века; смерть мужа, надругательство над дочерьми, собственные унижения – порка римлянами – последнее оскорбление, нанесенное после долгих лет тяжелого, беспокойного существования в оккупированной иностранцами стране, и последующее восстание, едва не изгнавшее римских оккупантов из Британии. Какой материал для романа! Кейт внезапно осознала, что с возрастающим интересом прислушивается к видеолекции. Когда с Джорджем Байроном будет покончено, можно написать потрясающий биографический роман... Пожар в Кольчестере, сосредоточение войск Будикки по всему Эссексу и Хирфордширу на пути к Лондону и последние часы перед самоубийством, когда она поняла, что все усилия напрасны. И всему этому центром был Кольчестер, полыхавший так неистово, что почти два тысячелетия спустя в основании города отчетливо просматривался слой черной смерти.

Она дважды просмотрела запись, одна в затемненной кабине, – перед глазами проплывали гигантские очертания воинов, в ушах звенели их крики и вопли; затем она встала и вышла из кабины, глубоко убежденная в наличии склепов под зданием замка, единственных, по всей видимости, останков крепости Клавдия, крепости, спаленной Будиккой до основания вместе с населявшими ее горожанами.

Возникшие ощущения были ей знакомы: в груди теснение, кости ноют, дыхание спирает от возбуждения, от переполненности идеями. Она мысленно чертыхнулась. Такое чувство появлялось и раньше, сразу после того, как она закончила работу над «Джейн». Родившись теперь, в самом начале работы над «Властителем тьмы», оно обрекало ее на месяцы, если не годы, страданий от глубоко упряманного, подавляемого страха перед крушением надежд, в случае, если кому-нибудь взбредет в голову перехватить идею, или она придется не по вкусу издателю, или начнет прорастать во сне корнями, развиваться и забивать работу текущую.

Покачивая головой, как будто желая отринуть навязчивые мысли, она шла мимо экспонатов. Как может женщина, любая женщина, – как бы унижена и оскорблена она ни была – жаждать крови других женщин, детей, младенцев? Что же это был за человек, эта далекая

королева, приносившая в жертву своим богам человеческие жизни, перед тем как отправиться на поле битвы?

Она резко остановилась. Перед ней оказалась статуя римлянина, и взгляд наткнулся на надпись. Сдвинув брови, она прочла: «МАРК СЕВЕРИЙ ВТОРОЙ, один из немногих, оставшихся, по свидетельствам, в живых после бойни, устроенной Будиккой. Участвовал в восстановлении Кольчестера после его разграбления в 60 году от РХ и умер в расцвете лет и славы. Был похоронен рядом со своей женой Августиной в 72 году от РХ. Могилы их были раскопаны в 1986 году. См. стенд 14».

Так вот он, бывший хозяин Ридола. Она с напряженным интересом смотрела в лицо Марка: патрицианский нос слегка отбит, гордая воинская стать, тщательно вылепленные скульптором ниспадающие складки тоги. Что это был за человек, думала Кейт. Один из немногих, переживших погром и взявших в руки концы разорванной нити, чтобы воссоединить их. Она почувствовала новый прилив возбуждения. Видел ли он Будикку? Не мог ли он описать воинственную правительницу Ицени⁶, ее пышную рыжую копну волос, крупное тело, боевые доспехи и колесницу?

Она вздрогнула от неожиданности, когда равнодушный металлический голос, разносясь эхом по замку, оповестил, что музей закрывается, и одарила Марка последним прощальным взглядом. Но сожаления в этом взгляде не было. У нее возникло отчетливое убеждение, что она придет сюда еще не раз, чтобы встретиться вновь.

⁶ Древний народ Британии.

Глава 9

Младший сын покойного короля был на голову выше своих братьев и самым любимым. Тяга к знаниям, превосходная память, острый ум с раннего детства предназначили его к учению и лидерству. Духовные наставники прочили ему могущество. Королевская кровь определила судьбу. Вот почему к нему перешли земли и власть, почему держали его советником римские наместники в Камелодуне⁷, хотя братья руководили на западе восстанием. Он носил римское платье, говорил на их языке, овладел их науками и следовал их образу жизни. Даже влюбился в одну из их женщин. Но он ненавидел их и выжидал своего часа.

Он мрачнел как туча при виде ненавистных сюзеренов, возводящих свой храм в самом сердце Камелодуна, храм Клавдия, храм человека, провозгласившего себя Богом. Но он держал свое мнение при себе. Придет время – и настанет день, тот день, когда римляне будут изгнаны с земли его предков. И когда этот день настанет, он убьет мужа Клавдии и заберет ее к себе в дом. Но до тех пор он останется дипломатом, и оружием его будет улыбка.

Его обязанности друида⁸ были не в тягость. Служил он при дворе, был богат и обласкан. Боги поймут. Он послужит им, когда придет время, когда завянут колокольчики и кровь замедлит свой бег в жилах.

Но старые духовники не одобряли таких намерений. Они хмурились и качали головами сначала в укоризну ему, а затем в несогласии с богами, презиравшими римлян, тех, кто обожествлял человека и перевозносил его до них.

Но не ведал он, что боги тоже мало-помалу теряли терпение.

Уже почти совсем стемнело, когда Кейт подъехала к амбару и снова поставила машину рядом с «вольво» Дианы. С заметной долей сожаления она увидела, что в окнах усадьбы света нет. Даже не представляла себе до сей минуты, насколько рассчитывала, что пригласят посидеть у уютного камина, предложат выпить чаю, перед тем как ей отправиться через лес к своему коттеджу.

На обратной дороге она заглянула в сельский магазин, еще не успевший закрыться, и купила хлеба, молока, местного рыхлого сыру и эссекского меда, а кроме того, к полному своему удовольствию, растопку для дров и спички.

Перебросив пластиковый пакет через плечо, она отправилась было в путь, но задержалась. Фонарь остался в машине. Пришлось вернуться и снова открыть амбар. Отперев дверь «пежо», она порылась в «бардачке». Фонарь оказался на месте, она решила его проверить и осветила дом высоко, под крышей. Все в порядке, работает. Успокоившись, она решительным шагом направилась в лес.

Поначалу, несколько сот ярдов, дорога шла прямо, а затем сворачивала на восток и сужалась настолько, что место оставалось только для глубоких следов, оставленных колесами «Лендровера». Она поскользнулась и поняла, что придется освещать себе дорогу фонарем, чтобы не упасть. Вечер стоял совсем тихий. Издалека, со стороны болот, донеслось курлыкание большого кроншнепа. Призыв эхом раскатился в наступающей темноте, и на него откликнулась сова. Кейт плотнее прижала к себе сумку и впиалась взглядом в дорогу.

Будь ты на веки вечные проклят богами, Марк Северий Второй, и да предстанет твое поганое тело и гнилая душа перед судом за то, что сотворил ты здесь, теперь...

В лесу по-прежнему тихо, лист не шелохнется. В голове у нее прозвучали слова, столь ясные и отчетливые, как если бы их произносил диктор Би-би-си. Кейт остановилась как вко-

⁷ Древнее название Кольчестера (примеч. перев.).

⁸ Жрец (примеч. перев.).

панная, кожа покрылась испариной, сердце застучало тяжелым молотом. Она смотрела по сторонам, вглядываясь в черные провалы между стволов деревьев, вдыхая запах вянущего леса и сырой темной земли под ногами.

Ерунда. Просто музейная видеодрама и волнение, охватившее ее от зародившейся идеи, возбудили воображение. Она пошла дальше, ускорив шаг и так крепко сжимая фонарь в руке, что пальцы немели.

Когда наконец показался коттедж, она едва дышала. Достав из кармана ключ, открыла дверь, вошла и зажгла свет. Затем положила сумку с продуктами на кухонный стол, побежала наверх, во вторую спальню, и схватила одну из пустых коробок. Волоча ее за собой, снова вышла во двор и направилась к деревянному сараю. Прежде чем заняться чем-нибудь или окончательно свихнуться, надо запастись дровами.

Освещая сарай фонарем, она сложила в коробку поленья, а поверх – целую кучу щепок для растопки. В сарае было чисто, аккуратно, дрова, кроме нескольких крайних, свалившихся с поленицы, лежали преспокойно под сетью паутины, лопата стояла в том же углу, куда она ее пристроила. Оглядев еще раз все хозяйство, она выключила фонарь и положила его в карман. Коробку придется тащить обеими руками. С натужным кряхтением приподняв ее, Кейт снова вышла в холодный сад, не в силах отделаться от мыслей о подступающем к самому коттеджу лесу. С тяжелой коробкой в руках не побежишь. Со всей скоростью, на какую была способна, она добралась до дверей, вошла в прихожую и бросила коробку на пол. Тогда наконец заперла дверь на замок и на задвижку.

Спасена. Закрыв глаза, в полном одиночестве она тихонько рассмеялась, смущенная собственной глупостью. Затем снова подняла коробку, прошла с ней в гостиную и аккуратно сложила дрова у печки. Отгородившись от ночной темноты оконными шторами, она пошла на кухню и поставила кипятить чайник. Ожидая, пока он закипит, она услышала телефонный звонок.

– Кейт, дорогая, я звоню, просто чтобы узнать, все ли в порядке. – Это был Роджер Линдси. – Нас почти весь день не было дома, поэтому я решил проверить, не нужно ли чего.

– Спасибо, у меня все в порядке. – Она глубоко вздохнула, удивившись собственной радости от звука его голоса. – Я заезжала к вам раньше, чтобы поставить машину, и поняла, что вас нет дома.

– Мы обедали с друзьями в Вудбридже. Очень милые люди. Они читают вашу книгу.

– И вправду милые. – Она криво усмехнулась. – Роджер, скажите мне, пожалуйста, как сделать, чтобы печь горела всю ночь?

Она услышала возмущенный вздох.

– Неужели Грег не показал вам? Простите, дорогая. Тут, конечно, нужна некоторая сноровка, но, коль скоро научишься, можно заставить ее работать непрерывно месяцами. Хотите, я приду сам и покажу вам?

Не надо бы дергать его, тем более раз ей теперь известно, что он болен, что не был дома целый день и наверняка устал, но мысль неожиданно заполнить в дом гостя показалась чересчур соблазнительной.

– Это не очень вас затруднит? У меня есть хороший виски.

Он рассмеялся.

– Уже еду.

Не прошло и пятнадцати минут, как она увидела мелькнувший за деревьями свет фар «Лендровера». Роджер вышел из машины.

– Грег уехал на пару дней. Я ему шею намылю, когда вернется. Он должен был вам тут все показать.

– Забыл, вероятно. Ему и так пришлось все мои вещи перетаскивать.

Она закрыла за ним дверь и прошла в гостиную. Еще до его приезда она поставила на стол бутылку виски и два стакана. Теперь налила, а Роджер тем временем опустился перед печкой на колени и открыл заслонку.

– Сперва надо как следует раскочегарить, вот так, – учил он. Огонь чудесным образом вспыхнул под его тонкими руками. – Теперь кладем одно-два полена. Так. – Он втиснул в маленькую топку два огромных полена – невероятно, но они оказались точно по размеру. Затем он прикрыл заслонку. – Теперь их надо на некоторое время там оставить и при этом держать приоткрытыми выюшки. Когда огонь как следует займется, примерно на две трети над этим стеклом, выюшки надо плотно закрыть. Весь секрет в том, чтобы заставить печку гореть медленно и ровно, а затем преградить по возможности доступ воздуха. Для этого, боюсь, придется научиться ловить момент – это в последнюю очередь, – когда следует сделать полную закладку. Но я уверен, вы скоро постигните это искусство. Если печка работает добросовестно, здесь, знаете ли, всегда очень уютно бывает.

Он принял из ее рук стакан и сел в одно из кресел, оглядывая комнату.

– Вы так тут все удобно устроили.

Высокий худой мужчина, расположившийся в кресле, в потертых плисовых брюках и старом твидовом пиджаке, выглядел так уверенно и естественно, что Кейт почувствовала, как еще недавно взведенные одиночеством нервы быстро успокаиваются.

– Вероятно, ваш сын здесь жил. Жаль, что мой приезд его расстроил, – сказала она, усаживаясь напротив.

– У него нет причин расстраиваться. – На лице Роджера на мгновение промелькнула тень. – Он прекрасно знает, что нам нужны деньги. Прошу прощения, если это звучит грубовато, но такова жизнь. Кроме того, нам повезло – вы соседка вполне подходящая. – Он тепло улыбнулся. – Вы, наверное, уже почувствовали, насколько обособленная здесь жизнь. Эта одна из причин, по которой Диана просила меня передать вам приглашение отужинать с нами в среду. Мы, конечно, пойдем, если вы откажетесь, работа и все такое...

– Я с удовольствием. – Она отреагировала так быстро, что сама удивилась. – И с нетерпением буду ждать встречи.

– Прекрасно. – Улыбка у него была широкая, углублявшая сеточку морщин вокруг глаз. – Будете иметь удовольствие или наоборот познакомиться с другими нашими детьми, Элли и Патриком. – Допив виски, он встал. – Если вам больше не требуется моя помощь, я, пожалуй, поеду домой. Ди уже, наверное, приготовила ужин.

Останьтесь, хотелось ей сказать. Прошу вас, останьтесь и поговорите со мной. Ее радовало его присутствие в доме. Он такой располагающий. Спокойный. И надежный. Но вслух она ничего не сказала и с улыбкой проводила его к выходу.

– Сообщу вам о своих печных успехах, если они будут, при встрече.

– Непременно.

Она смотрела, как «лендровер» развернулся и двинулся по дороге в обратном направлении, обшаривая деревья светом фар и увиливая от выбоин. Мгновение спустя он скрылся из виду.

Закрыв дверь и снова задвинув засов, она вернулась в гостиную. Как будто признав руку хозяина, печка уже занялась ровным, приятным глазу пламенем, постепенно обогревающим комнату. Кейт с удовольствием огляделась по сторонам. Даже после ухода Роджер оставил частицу доброжелательности, принесенную с собой. Наслаждаясь этим ощущением, она теперь приготовит себе ужин, немного почитает, послушает музыку, примет горячий душ и ляжет пораньше спать. А весь завтрашний день проведет вместе с лордом Байроном.

Глава 10

В ночной тишине прилив незаметно выводил море из берегов; огибал мыс и медленно, о, как медленно, направлялся в заводь рукава, облизывая песок, косматые, вислые пряди травы и сорняков, скапливаясь у самых лапок спящих гусей и уток. Вода поднималась.

В дюне песок высох. Он стал рыхлым, сыпучим, того и гляди обрушится. Под ним, на глубине теперь не более сантиметра, залегал слой глины – гибкой, невосприимчивой к воде и воздуху, – а в глине скрывался торфяник, сохранявший останки четырех человеческих тел.

Глава 11

Она сидела за компьютером два часа и не заметила, как стало светлеть. Внезапно почувствовав, что руки и плечи ноют, а голова гудит от длительного напряжения, Кейт откинулась на спинку стула, сняв очки, бросила их на бумаги и посмотрела в окно. Туман рассеивался, уступая место пронзительному рассвету. Узкая полоска моря, зажатая меж каменистыми берегами и доступная взгляду с того тщательно выбранного места, куда она установила стол, сияла ослепительной красотой. Перед таким соблазном никто не устоит, кроме того, пора сделать перерыв. Надев куртку, сапоги, обмотав шею шарфом, она распахнула входную дверь и отдалась на волю ледяному ветру. Оглядевшись по сторонам, с удовольствием, глубоко вздохнула. В таких местах даже Байрону было бы по душе.

Кати свои валы, беспечный океан,
из черной глубины вздымая горы.
И тысячи флотов наперекор волнам,
напрасно бороздят твои просторы.

Она брела по направлению к северу, вдоль берега, еще влажного от отступавшего прилива, и бормотала строки из «Чайльд Гарольда»; лицо поднято навстречу ветру и солнцу, по щекам хлещут пряди волос, вырвавшись на волю из-под шарфа. Слова, правда, не вполне подходили к случаю. Здесь не океан, он не столь глубок и вовсе не темен, но зато вполне соответствует настроению. Приподнятости, бодрости духа. Ей хотелось скакать, петь, плясать, но галька и рыхлый песок позволяли лишь не слишком изящно галопировать. Выдохшись окончательно, она наконец остановилась и пошла обратно. Теперь, когда ветер дул в спину и солнце не слепило глаза, она смогла замедлить шаг и воздать должное буйству красок и многообразию воды: там, где песок подступал ближе к поверхности, она была чуть зеленоватой, почти желтой. Далее густая бирюза мешалась с серой и черной красками и возникал цвет сапфира, такой, каким обыкновенно дети изображают море. Поодаль галька уступала место песку, и там, на кромке воды, резвились чернозобик с куликом. Кроме этой парочки, она, казалось, единственная осталась в живых на всем белом свете.

Поднявшись на один уровень с коттеджем, она с восторгом любовалась тем, как уютно устроился он за каменистым берегом. Лишь небольшая часть фасада проглядывала сквозь растрепанную ветром траву и песчаные насыпи. Прямо перед ней, позади дюн, берег круто сворачивал. Оттуда узкий рукав тянулся к мелким илистым водам залива Ридол-Бей с россыпью крошечных островков и образованными приливом бухтами.

У последней дюны Кейт остановилась. Она частично обвалилась в песок, и в образовавшемся углублении со стороны моря были ясно видны следы недавних раскопок. Удивившись этому обстоятельству, она направилась к дюне, утопая в рыхлой мешанине из песка, ила и гальки. С верхней части, невидимой со стороны коттеджа, был аккуратно снят поперечный слой. На площади в десять футов длиной и два глубиной, поделенной на участки, густо переплетенные сорняки были тщательно удалены и освободившийся от корней песок выкопан. Спрыгнув в карьер, Кейт с интересом рассматривала оголившийся склон дюны. Образовавшийся срез казался чересчур правильным и аккуратным, чтобы счесть его результатом детской игры; и не прилив тут поработал, хотя чуть дальше срез был удлинен и беспорядочно расширен в результате илистого оползня, и там предательские спутанные клубки водорослей и волнистый ракушечник выдавали недавнее нападение прилива, пригнанного восточным ветром.

Глубоко заинтригованная, Кейт осторожно провела ладонью по песку. Кому понадобилось здесь копать и зачем? Может быть, ведутся работы по морским ограждениям? Она огля-

нулась назад и посмотрела на пляж. Отползающий прилив казался теперь вполне безобидным и благожелательным, но Кейт прекрасно знала, какой разрушительной силы он может достигнуть под воздействием должного сочетания ветра и луны.

Она уже собиралась выбраться из карьера и продолжить прогулку, как взгляд наткнулся на блестящий предмет, выглядывавший из песка. Нечто похожее на керамику. Она взяла его в руки, осмотрела, затем, сдвинув брови, стала разглядывать пристальнее. Осколок был тонкий, рыжевато-коричневого цвета, с острыми краями и выпуклым орнаментом и чрезвычайно походил на самийские гончарные изделия, которые она только вчера видела в музее. Но ведь это невозможно. Она повернулась и снова осмотрела песчаную поверхность. Это что, брошенные раскопки? Она с неожиданным чувством вины взглянула на осколок. Наверное, нельзя было его трогать. С другой стороны, он лежал без дела, по всей очевидности, незамеченный. Еще один прилив, и он будет похоронен навеки. Сдернув шарф, она аккуратно завернула в него осколок и, почти с благоговением положив в карман, снова обратила внимание на потревоженный песок. Он был совсем рыхлый. Легкое прикосновение вызвало очередной обвал. В двух шагах слева от себя она заметила еще один темный предмет, торчавший из песка. Легонько дотронулась до него. Металл. Раскапывая песок пальцами, она пыталась понять, что это за предмет, не потревожив его при этом. Узкая погнутая полоска металла постепенно и равномерно проступала из-под песка. Надо спросить Линдси. Они должны знать, кто тут копал и почему бросил. Она с жадностью разглядывала кусок металла. Если взять его в руки, а он окажется археологической редкостью, может так случиться, что она разрушит бесценное свидетельство древности. С другой стороны, прилив может уничтожить его окончательно. Пока она так стояла и раздумывала, как быть, на вершине дюны сама собой образовалась очередная трещина. Прямо на ее глазах большой комок влажного песка, сорвавшись, шлепнулся у ее ног. Минуту спустя рухнул еще один участок, дюймов шесть толщиной, и потащил за собой металлический предмет. Тогда она нагнулась и подняла его. Витой заржавленный кусок металла. Тяжелый и холодный. Что же это такое? Наверняка не золото. Возможно, бронза или серебро. Она взволнованно, с благоговейным страхом рассматривала его. Несомненно, она первая за тысячу лет, а то и больше, может быть, две или целых три, дотронулась до него. Это было ожерелье.

Любовь моя.

Голос в сознании прозвучал так громко, что показался реальным. Уронив ожерелье, она зажала ладонями уши и огляделась по сторонам.

Никого. Только кулик брел по берегу у самой кромки воды, время от времени тыча клювом в песок.

Она почувствовала, как сердце вновь гулко застучало, как прошлой ночью в лесу. Сделав глубокий вдох, она нагнулась, подняла кусок крученого металла и вылезла из карьера. Наверху она огляделась, придерживая рукой разлетающиеся от ветра волосы, не покрытые теперь шарфом. Кругом, куда ни кинь взгляд, ни души. Кроме голоса, продолжавшего звучать в сознании.

Глубоко вздохнув, она повернула к коттеджу. Возьми себя в руки, Кеннеди, ты придумываешь невесту что, уговаривала она себя. Слишком много свежего воздуха, вот и все.

Возбуждение улеглось так же быстро, как возникло. Здесь, при свете дня и яркого солнца, на легком игривом ветру, при виде птиц, беззаботно прогуливавшихся по берегу, возникшее состояние паники показалось абсурдным. Всего лишь игра воображения. Посещение музея, внезапно проявившийся интерес к Будикке, события, происходившие девятнадцать столетий назад, а также одинокое существование, и вот она уже страдает галлюцинациями. Чашку кофе покрепче – и все как рукой снимет.

Чуть быстрее, чем она обычно привыкла ходить, Кейт направилась к коттеджу. Только однажды оглянулась. Там, на фоне сверкающего морского великолепия, штопором завертелся песчаный дьявол в той яме, откуда она только что выбралась. Она некоторое время наблюдала за ним. Как похож на человеческую фигуру. И вот уже исчез.

Укрывшись от ветра за дверью, смахнув с лица волосы и даже не сняв куртки и сапог, она положила свои находки на кухонный стол и поставила на плитку чайник. Пока вода закипала, она позвонила Линдси, но у них никто не ответил.

Прихватив с собой чашку кофе и оба предмета, она прошла в гостиную и положила все на рабочий стол. Затем чисто механически включила компьютер. Ожидая, пока запустится ее программа, она снова взяла в руки ожерелье и принялась его разглядывать. Это было большое ожерелье, по-видимому достаточно большое, чтобы охватить шею взрослого человека, и к тому же тяжелое, несмотря или в силу того, что покрылось ржавчиной. Она долго разглядывала его, прежде чем положить на подоконник и сесть к компьютеру.

Когда она снова подняла голову, было уже около часа дня.

На этот раз, когда она позвонила, к телефону подошла Диана. На вопрос о раскопках на пляже она ответила несколько затянувшейся паузой, в которой чувствовалась растерянность.

– Вы говорите, что были там сегодня утром? – осторожно переспросила она.

– Да, гуляла по пляжу.

– Ах вот как. Тогда я думаю, в том месте, о котором вы толкуете, копала моя дочь. Это все для какой-то работы по археологии в школе. Участок для специальных раскопок не предназначен.

– Понятно. – Кейт нахмурилась, явно расслышав оборонительные нотки в тоне собеседницы. – Там, кажется, встречаются кое-какие предметы древности... – Разговаривая, она смотрела через дверной проем в прихожую. Подоконник, где лежали ее находки, из поля зрения выпал. – Мне подумалось, что надо бы взглянуть специалисту. Эта местность может оказаться весьма важной.

– Я думаю, Элисон имеет это в виду. Это полностью ее идея, Кейт. – В голосе Дианы появились незнакомая доселе твердость. – Прошу вас, оставьте этот участок ей.

– И не суй свой нос куда не следует! – пробормотала Кейт, вешая трубку. Она побрела обратно в гостиную и остановилась, глядя на ожерелье. Если Элисон намерена сообщить в музей, тогда все в порядке. Она тоже отдаст свои трофеи. Она снова взяла в руки полоску витого металла. Он был значительно поврежден коррозией и погнут, но основной рисунок проволочного плетения был ясно виден. Она осторожно поскребла ногтем. Металл тускло засиял. Она, поколебавшись несколько секунд, поскребла еще, на этот раз сильнее. Царапина засверкала серебром. Серебро. У нее в руках серебряное ожерелье.

Проклинаю тебя, Марк Северий, за то, что натворил ты здесь, теперь.

Голос прозвучал так неожиданно и громко, что она уронила ожерелье на стол и неистово замотала головой. Голос гудел в ушах; он исходил из недр мозга. Звучал в голове. Рвался из глубины души. В ужасе она оглядела комнату. Затем, сделав глубокий вдох, снова взяла в руки ожерелье, ощущая пальцами холод металла. Такой же ледяной, каким был, когда она извлекла его из влажного песка.

– Глупости, – сказала она вслух, и собственный голос показался чужим и потусторонним в пустой комнате.

Прихватив осколок керамики, она прошла к маленькому столику с лампой, стоявшему в углу, и, выдвинув ящик, спрятала туда обе вещи. Затем плотно закрыла и заперла на ключ.

Причиной звуковых галлюцинаций могут явиться различные состояния души и тела. Она читала об этом в одной из книг Анны. Но какое из них, если вообще причина в этом, применительно к ней? Взяв с собой бутылку виски, она прошла в кухню и затворила дверь. В первую очередь следует восстановить нормальный уровень сахара в крови. Может быть, плотный обед разгонит то, как бы это ни называлось, что привело ее к такому печальному результату.

Она сидела за маленьким кухонным столом, поставив перед собой книгу, и ела бутерброд с печеными бобами, политые расплавленным сыром. В этот момент послышался громкий стук в дверь. Нехотя отодвинув тарелку, она пошла открывать.

На крыльце стояла девочка в джинсах и ярко-синей куртке, светлые волосы, стянутые в хвостик на затылке, трепались по ветру.

– Я пришла сказать, чтобы вы держались подальше от моей ямы. – Зеленые глаза метают молнии, ни тени улыбки на лице. – Мама сказала, вы там болтались возле дюны. Так вот, не делайте этого. Если вы снимаете чужой дом, это еще не значит, что и в чужие дела соваться должны. Не лезьте куда не следует. – Юное лицо было бледным и напряженным. Головная боль так с утра донимала, что она не смогла пойти в школу и не хотела вставать до тех пор, пока Диана не рассказала о том, что происходит на дюне.

– Ты, вероятно, Элисон. – Кейт вздернула брови, намереваясь должным образом ответить на грубость, но с усилием подавила естественное желание и лишь сказала: – Прости, я не собиралась нарушать твою работу. Можешь не беспокоиться, я больше не подойду к дюне, раз ты этого не хочешь.

– Да уж, пожалуйста, – буркнула Элисон.

– Я думаю, ты уже сообщила в музей о своих находках.

– Скоро сообщу. – Девочка вызывающе вздернула подбородок. Как она похожа на старшего брата, внезапно подумала Кейт. Красивая семья, но не слишком благожелательная. – Сначала все запишу, сфотографирую и так далее.

– Прекрасно. – Кейт улыбнулась. – Это именно то, что надо. – Она уже сделала шаг назад, чтобы закрыть дверь, но Элисон продолжала стоять, как будто хотела еще что-то сказать.

– Вы и вправду писательница?

– Да, – с улыбкой подтвердила Кейт. – Вправду.

– Папа сказал, что пишете о Байроне.

– Верно.

– Тогда зачем же вы сюда приехали?

– Хотела пожить в тишине, чтобы сосредоточиться на работе.

– А историю и тому подобное знаете?

Кейт кивнула.

– Немного. Изучала историю в университете.

– Тогда, наверное, знаете о римлянах.

– Опять-таки немного. Кажется, они доходили сюда.

– И до них еще здесь люди жили. – Элисон слегка сдвинула брови. – До прихода римлян в Эссексе жили тринованты. Там захоронение римлян. – Она неопределенно махнула головой в сторону пляжа.

– Захоронение? – Кейт нахмурилась. – Почему ты так думаешь?

Марк. Марк Северий. Мысль вспыхнула и также внезапно потухла. Могила Марка Северия была обнаружена в каком-то месте под названием Станвей, как отмечено на схематической карте около его статуи, а это в противоположном конце Кольчестера, миль двадцать отсюда.

– Просто знаю и все.

Кейт с беспокойством смотрела на девочку.

– Элисон, может быть, когда у тебя будет время, ты покажешь мне место раскопок? Только как следует покажи, обстоятельно. Ты, мне кажется, делаешь это очень профессионально. И расскажешь мне о своих находках?

– Вам действительно интересно?

– Действительно. Я не вмешиваюсь, мне просто очень хочется знать.

– Хорошо. Хотите сейчас пойти?

Вспомнив мимолетно и с сожалением о бутерброде с бобами и о книге, Кейт кивнула.

– Подожди. Я только куртку и сапоги надену.

К тому времени, когда они подошли к карьеру и встали рядом на краю, рассматривая раскопанную дюну, прилив отошел совсем далеко. Ветер кружил песок волчками, шуршащими в ломкой сухой траве, солнце спряталось за огромными мрачными тучами.

– Я нашла осколки глиняной посуды, черепки называются, и кое-какие металлические предметы, – медленно выговаривая слова, рассказывала Элисон. – Они у меня дома. Вот придете к нам на ужин, я покажу, если захотите.

– Я захочу. – Она взглянула на девочку. Та не проявляла видимого нетерпения спрыгнуть вниз. – А откуда ты узнала, где копать?

– Море указало, первое начало. Полдюны смыло, и я нашла несколько вещей.

– А почему ты решила, что это римская могила?

– Потому что туда вещи кладут. В могилы. На месте фермы нашего соседа был дом. Прямо под его полем, совсем рядом с нами. И в деревню вела дорога, построенная римлянами, и еще одна – на другую сторону Ридол-Бей.

– Правда? – Кейт была потрясена. – А можно спуститься вниз? Там ветра нет, и ты мне покажешь, как снимаешь слои грунта.

Элисон неохотно, но все же спрыгнула в мягкий песок и подошла к разрытому откосу, где работала.

– Я старалась копать аккуратно, чтобы не сломать чего-нибудь. Беда в том, что песок сам осыпается. Ветер и море все время разрушают берег. Даже дома падают, чуть дальше отсюда, в Ридол-Пойнт. – Она указала рукой на песок и снова опустила, не дотронувшись. – Я оставила свои инструменты у вас, в дровяном сарае.

– Вот как! А я-то думала, чья это лопата? – Кейт отбросила со лба волосы и, достав из кармана очки, стала внимательно рассматривать почву дюны. – Смотри. Видишь? Вот и вот. Состав почвы меняется. Здесь песок более клейкий. И плотнее. Там, наверное, слой глины или торфяник. Может быть, тебе больше повезет, если там покопаешь. Тогда не будет так осыпаться.

– Да. – Элисон сделала шаг вперед и осмотрела место, на которое указывала Кейт. Внезапно она вздрогнула. Головная боль вернулась с новой силой, как будто в отместку за подаренную передышку. – Сегодня слишком холодно работать. Я лучше домой пойду. – Она повернулась.

Когда они снова выбрались из ямы и оказались на открытом ветру, Кейт заметила, как девочка оглянулась на то место, где они только что стояли. Она озабоченно хмурилась, как будто увидела нечто глубоко ее взволновавшее.

Только проследив, как Элисон скрылась в лесу, и снова оказавшись в коттедже, Кейт поняла, что ничего не рассказала о собственных находках. Она прошла в кухню и с сожалением посмотрела в тарелку. Затем бросила зачерствевший бутерброд в мусорное ведро и поставила на плиту чайник. Сегодня она достаточно времени потеряла. Долой Элисон с ее римской могилой. Вечер надо посвятить холодным унылым покоем в Абердине, где юный Джордж Гордон изучал Библию, а также многое другое у ног своей няни.

Прикованная взглядом к экрану компьютера, Кейт не заметила, как в комнате стало темнеть. Пальцы застыли, плечи пыли и отяжелели, и на спине, между лопаток, появилось леденящее, болезненное ощущение. Сняв очки, она вытянула перед собой руки и с трудом подвигала пальцами. Огонь в печке погас, и в комнате стало холодно. Она заставила себя подняться и снова пройти через весь процесс разжигания, заполнения и закрывания выюшек. Некоторое время она стояла, глядя на почерневшее стекло маленькой дверцы. Все это она проделала как будто на автопилоте, оставаясь мысленно с Кэтрин Гордон и Мей Грей и под впечатлением от их странных, сбивчивых отношений с мальчиком, вверенным их опеке, отношений, оставивших глубокий след в его душе.

Подсознательно уверовав в то, что пламя теперь должно ее обогреть, она вернулась к столу, села и начала перечитывать дневную работу.

Будь ты на веки вечные проклят богами, Марк Северий Второй, и да предстанет твое поганое тело и гнилая душа перед судом за то, что сотворил ты здесь, теперь...

Она тупо смотрела на слова. Не могла вспомнить, чтобы сама их писала. Да нет же, не писала. Они возникли в тексте внезапно, произвольно, в середине описания Абердина восемнадцатого столетия.

Отодвинув стул, она резко поднялась, чувствуя, как дрожат руки. Отвернувшись от экрана, прошла к печке. Открыла заслонку, опустила на колени и вытянула руки ближе к огню, чтобы согреть. Просто эта фраза постоянно вертелась у меня в голове, думала она. Видимо, прочла где-то, слова отложились в сознании, а теперь я их напечатала. Идиотка. Бес-толочь.

Помимо воли, взгляд устремлялся к ящику маленького столика. Несколько минут она боролась с желанием подойти, но, в конце концов сдавшись, поднялась, подошла и включила свет.

Достав из ящика ожерелье, она вернулась к печке, села на пол у огня и стала вертеть в руках кусок металла. Она не эксперт и не археолог, но ее знаний тоже хватает, чтобы не сомневаться в кельтском происхождении орнамента; почти наверняка серебро, а раз так, значит, вещь принадлежала человеку состоятельному, причем мужчине, а не женщине, судя по весу и размеру. Вещица не римская, что бы ни говорила Элисон. Значит, не Марк Северий ее хозяин. Был хозяином, сразу поправила она себя. Тогда чья же она? Почему похоронена в песках, на берегу залива Ридол? Британские племена, восставшие против римлян, были кельтскими. Мир кельтов, который теперь связывают в обывательском представлении только с Уэльсом, Шотландией, Ирландией и Бретанью, когда-то на самом деле охватывал всю Великобританию, всю Европу. Восточная Англия была столь же кельтской, как Гвинед или Голуэй. И лишь вторжение саксов спутало их следы в памяти народа.

Она прислонилась спиной к дивану, подтянув повыше колени и не выпуская из рук ожерелье. Вещица уже согрелась. Те места, где она терла и скребла, поблескивали в свете пламени. Она закрыла глаза. Эта часть страны, вернее, эта часть Эссекса была, по словам Элисон, во владении триновантов – племени, присоединившегося к Будикке и Ицени в борьбе против Рима. Оставив всякую надежду, обманутые римскими сюзеренами в Кольчестере, они без доли сомнения поднялись против иностранных поработителей. Может быть, это ожерелье принадлежало одному из них? Высокорожденному кельтскому лорду? Принцу? Может быть, это его гробницу хлещут теперь на берегу волны холодного зимнего моря?

А какое к нему отношение имеет Марк Северий Второй?

Стук града по оконному стеклу заставил ее поднять голову. Уже совсем стемнело. Свет лампы отражался в окне, и Кейт вдруг почувствовала, что околела. Она взглянула на огонь. При открытой заслонке печь скорее обычного сожрала подброшенные поленья. Осталась одна зола. Кейт встала, положила ожерелье на место, ящик заперла, затем подошла к окну и, поставив с обеих сторон лица ладони, чтобы защититься от отражения, выглянула наружу. Прикосновение стекла ко лбу было холодным. Холодным и жестким. Вечер почти совсем беспросветный. Кейт казалось, что, помимо стука дождевых капель и воя ветра, она слышит плеск морских волн, доносящийся с берега. Поежившись, она отошла на шаг и задернула шторы. И тогда, в третий раз за день, она разожгла печь.

Проснувшись она посреди ночи и сразу. В спальне было холодно. Ветер усилился, и она теперь отчетливо слышала шум моря. Волны, бьющиеся о берег, шорох и стук гальки, а с другой, западной стороны коттеджа – стоны и скрип деревьев.

Она посмотрела в другой конец комнаты. Свет на лестничной площадке остался гореть с вечера – отзвуки детской боязни темноты, – и теперь ее успокаивал вид светлых полосок, очертивших прямоугольник двери. Несколько минут она лежала, глядя на эти полосы, а потом потянулась к лампе на тумбочке и зажгла свет. Подложив под спину подушку, укутавшись одеялом, с книгой в руках и нацепив очки, Кейт чувствовала себя уютно и в безопасности. Даже почти наслаждалась бушевавшей за окнами бурей.

Сильнее прежнего шквал обрушился на окно; она услышала, как задребезжало стекло, и внезапно осознала, что ощущает запах сырой земли. Приторный, насыщенный, всепроникающий, он заполнял спальню. Это был аромат сада, свежевскопанных цветочных клумб, старинного леса.

Схватив халат и нащупав ногами шлепанцы, она пошла к выходу. Распахнула дверь и выглянула на лестничную площадку. Там стоял жуткий холод и страшный сквозняк. Нахмурившись, она подошла к перилам и глянула вниз.

Входная дверь открыта настежь.

Несколько секунд она с места сдвинуться не могла. Это ветер, конечно. Должен быть ветер, но входная дверь расположена с подветренной стороны дома. Она стремглав бросилась вниз по лестнице и захлопнула дверь. Ведь она запирала ее на засов. Наверняка запирала или нет? Задвинув снова засов, она еще и на ключ заперла дверь.

В кухне и гостиной темно, но обе двери – нараспашку. Она смотрела на них и ощущала, как зарождается дурное предчувствие. А вдруг это не ветер двери пораскрывал? А вдруг грабитель?

Ну перестань, Кеннеди. Кому в голову взбредет здесь воровством заниматься? Она прошла в кухню и зажгла свет. Пусто, как и накануне. Посуда сложена в раковине, чайник на плите. Она приложила к нему ладонь, и на поверхности образовалось запотевшее пятно – еще теплый. Включив под ним газ, она повернулась и вышла в прихожую. И тут же сильнее запахло землей. Она остановилась, принюхиваясь. Входная дверь уже закрыта, и запах должен начать рассасываться, но теперь казалось, он плывет из гостиной.

Едва прикоснувшись к выключателю, она почувствовала, что в комнате кто-то есть. Во рту сразу пересохло. Она, затаив дыхание, прислушивалась, уверенная в том, что тот, другой, делает то же самое; сердце болезненно екнуло, когда она поняла, что отчетливо видна на фоне ярко освещенного холла.

Это была женщина.

Она не смогла бы объяснить, почему ей так кажется, никого на самом деле не видела, но страху почему-то не поубавилось.

– Элисон? – Голос прозвучал невероятно громко и пронзительно. – Элисон, это ты? Что ты здесь делаешь? – Она наконец нащупала выключатель, включила свет и, чувствуя, как сердце готово выскочить из грудной клетки, огляделась по сторонам. В комнате не было ни души. Окна закрыты, шторы задвинуты со вчерашнего вечера, печка мирно светится – слава Богу, хорошо растопила, до утра хватит. Но если огонь в печке есть и стекло заслонки светится, то почему тогда в комнате стоит такой мертвенный холод и откуда доносится этот странный запах?.. Закусив губу, она снова внимательно все оглядела, прежде чем собралась с духом, подошла на цыпочках к дивану и заглянула за него, потом за спинки кресел, во все углы и даже за занавески. Все в порядке.

И только в последнюю минуту ей пришла в голову мысль проверить ящик, в котором лежало ожерелье.

Лампа на столике стояла не посередине. Это она сама поставила ее с краю, так что едва не падает? Чуть тронь – и полетит. Она взялась за ручку ящика и отдернула руку. Ручка была выпачкана землей. Влажной, пропитанной дождем землей. Осторожно, двумя пальцами она

выдвинула ящик. Ожерелье и керамический осколок лежали на своих местах как ни в чем ни бывало. Никто до них не дотрагивался.

Так все-таки это Элисон. Заподозрила Кейт в краже и вернулась за своими сокровищами. Вероятно, у нее есть ключ от коттеджа. Услышав, как Кейт спускается с лестницы и не выдержав нервного напряжения, убежала. Сердито покачав головой, Кейт задвинула ящик и вытерла ручку от земли. Затем, в последний раз оглядев комнату, пошла к двери.

Уже собираясь выключить свет, она внезапно поняла, что в комнате, кроме запаха сырой земли, витает еще какой-то дух. Густой, женский, мускусный. Запах духов, каким пользуются развратные женщины. Кейт иронически улыбнулась. Вероятно, даже грубые, задиристые девочки-подростки время от времени проявляют признаки взросления.

Глава 12

Итак, решение принято; жертвоприношение будет совершено на Белтен⁹. Боги наконец будут удовлетворены; право выбора жертвы отдается им; тот, кто возьмет подгоревший хлебец из корзины, умрет трижды.

Услышав это, Нион расхохотался. Он молод, силен, неуязвим. И влюблен. В жилах его течет алая кровь страсти. Кожу огнем обжигает всякий раз, когда она дотрагивается до него. Глаза алчут тела ее, даже когда она собирается уходить. Известно уже, что подгоревшая горбушка достанется одному из друидов-старейшин; одному из стариков, одному из отцов, из тех, кто с радостью отправится на свидание с богами.

В спальне нью-йоркского отеля «Хайат» было невыносимо душно. Джон Биван проснулся внезапно, истекая потом. Он со стоном поднял к лицу запястье и стал вглядываться в светящийся циферблат часов: в глазах такая резь, будто горячим песком запорошило. Четыре часа утра. Спустив ноги на ковер, он прошел через спальню к небольшой ванной комнате и стал шарить по стене в поисках выключателя. Вспыхнул ослепительно-яркий свет. Издав еще один стон, он открыл кран с холодной водой над раковиной и принялся плескать в лицо и на плечи. Вода была отнюдь не холодная. Скорее прохладная, но лучше, чем ничего.

Что его разбудило? Он вернулся в спальню и включил ночник у кровати. Тяжелые двойные шторы плотно задвинуты. Странно, как он привык к параноидальному стремлению Кейт открывать на ночь шторы. Вот теперь тоже приступом клаустрофобии страдает, когда шторы задвинуты. Приподняв одну половинку, он выглянул в окно, уверенный заранее, что звезд не увидит. Окно спальни выходило в гигантский бездонный колодец, окруженный такими же окнами; стены этого колодца уходили ввысь, к небесам, и не было им ни конца ни края. Даже днем, выворачивая шею чуть не до хруста позвонков, он не мог увидеть неба. Он на пару дюймов поднял окно. В комнату ворвался поток холодного воздуха, а вместе с ним запахи и звуки города. Внезапный автомобильный гудок, отдаленный вой полицейских сирен, всплеск неразборчивой музыкальной фразы, крик из-за одного из множества темных окон напротив. И запахи. Усиленные холодным воздухом, густые, пряные, тошнотворные запахи тысяч кухонь, в которых жарились бифштексы, картошка и бургеры, варились бобы, тушился лук. И это в четыре часа утра, Господи помилуй! Опустив окно, он снова со стоном сел на кровать. Вечерашняя вечеринка в Артистическом кафе длилась до десяти. Затем они с Дерекотом отправились на Сорок четвертую улицу, где должны были встретиться с другими писателями. После этого он почти ничего не помнит. Ездили на площадь Мира, потом еще куда-то и все время пили, беседовали на философские темы, постепенно ударяясь в сентиментальность, сочиняли выпренные строки, записывали их на бумажных салфетках, и тут же теряли, и к утру, конечно, все равно бы забыли, что к чему. Он смущенно усмехнулся, даже вспоминать неловко. А ведь завтра все повторится сначала. Беседа с группой творческой писательской молодежи, раздача автографов у Риццуоли, обед... с кем? Он пожал плечами. Какая разница? Явится кто-нибудь из свиты Дерекота, потаскает его за собой, поучит уму-разуму, проследит, чтобы одет был как следует, причесан волосок к волоску, представит кому надо. Он будет напряжен, серьезен и озабочен тем, чтобы не потерять в Нью-Йорке измученного писателя.

С возгласом отвращения Джон повалился спиной на кровать и подложил руки под голову. Теперь уже не заснуть. Он взял в руки пульт управления и включил телевизор. Но через несколько секунд снова выключил. Это уже крайности.

⁹ Майский праздник у кельтов (примеч. перев.).

Вся беда в том, что он скучал по Кейт. Тосковал по ней ужасно и бесконечно мучился от чувства вины, что плохо с ней поступил. От этой мысли он приходил в отчаяние и ругал себя последними словами. Ревнивый, ненадежный, несправедливый дурак. Он беспощадно перечислял свои недостатки. Но зато теперь американский контракт у него, считай, уже в кармане, и он сможет ей потихоньку начать выплачивать долг. Он снова взглянул на часы, лениво подсчитывая, который час теперь в Англии. Девять? Десять? В любом случае, утро. Он придвинул к себе телефонный аппарат и начал набирать номер Билла. Надо так или иначе узнать у него номер телефона Кейт. Он должен поговорить с ней. Плохо ему без нее.

Глава 13

Начинался отлив, но ветер упорно катил волны к северо-восточным берегам Англии. Морская вода залила Ридол-Бей весь, едва не затопив низкие островки – прибежище множества птиц. Смыла огромную часть холма, шесть метров длиной, вверх по берегу близ Ребнес, и снесла два дуба, до последней минуты отчаянно цеплявшихся за самый краешек того места, где когда-то стоял лес. Накатив на берег, вода заполнила карьер у дюны, растревожила почву и принялась подмывать место раскопок.

Два тела лежали одно на другом; мужчина – лицом вниз, прижавшись щекой к сочащейся влагой глине и склонив голову к плечу. Гаррот¹⁰ глубоко впился в черное высохшее нечто, бывшее некогда его кожей. Он был обнажен, если не считать полоски темной коры дерева, обвязанной вокруг руки. То была кора ясеня – дерева, которое он почитал своим талисманом, в честь которого был назван – Нион.

Женщина лежала поперек его тела, сгорбившись, изогнувшись во время предсмертной агонии. Одежда ее странным образом не пострадала. В двух-трех местах можно было даже различить цвет ткани, хотя и потемневшей в результате химических процессов, вызванных глиной, солью и разложением. А также от крови. Одна рука женщины до сих пор сжимала рукоять короткого меча. Лезвие застряло между девятым и десятым грудными позвонками.

¹⁰ Орудие смертной казни путем удушения (*примеч. перев.*).

Глава 14

На следующее утро, составляя после завтрака посуду в раковину, Кейт случайно взглянула в окно и увидела выходящую из леса Элисон. На плече у нее был фосфорически зеленого цвета рюкзак, а в руках большой красный магнитофон. Измученная и разгневанная беспокойной ночью, Кейт ждала, что девочка подойдет к коттеджу, но та свернула с дорожки и направилась напрямик к деревянному сараю.

Вытерев руки, Кейт вышла на улицу. Ночная буря миновала, и день стоял яркий, свежий, лишь легкий ветерок долетал с юга.

– С добрым утром, – поздоровалась Кейт, остановившись за спиной Элисон, ковырявшейся в сарае.

Девочка вздрогнула и повернулась с лопатой в руке.

– Привет. – Она явно не слишком обрадовалась, увидев Кейт.

– Я думала, ты зайдешь повидаться, – сказала Кейт.

Элисон пожала плечами.

– И не собиралась.

– Ну что ж, ты весьма откровенна. Но, может быть, все-таки объяснишь сначала, что происходило ночью?

Заснуть после всех мытарств было непросто. Даже зная, что дверь на запоре и свет горит по всему дому, Кейт удалось задремать лишь за час до рассвета, и все равно сон был неглубокий и тревожный.

– Этой ночью? – Элисон снова повернулась к сараю и достала оттуда совок и метелку.

– Это ведь ты приходила в коттедж? – Кейт наконец удалось привлечь к себе внимание девочки.

– Я? И не думала. Зачем мне это надо?

Кейт нахмурилась. В широко распахнутых глаза Элисон застыло искреннее удивление.

– Кто-то приходил все же. И внутрь забрался. Около трех часов ночи. Вероятно, ключи от коттеджа есть.

– Странно. – Элисон покачала головой. – Украли что-нибудь?

– Нет.

– А почему вы на меня подумали? Я не вор.

– Я знаю. – Кейт рассмеялась, пытаясь как-то развеять напряженную обстановку. Но смех прозвучал довольно натужно, выдавая внезапно зародившиеся дурные предчувствия. – Скажи мне правду, прошу тебя. Потому что, если не ты была ночью, мне нужно знать кто.

– Может быть, Грег? У него наверняка еще один ключ есть.

– Нет, это была женщина. И руки у нее были в земле. Вот я и подумала, что ты опять взялась за раскопки.

– В три часа ночи? – Элисон метнула в нее уничтожающий взгляд. – Если это был грабитель, сообщите в полицию. У нас до сих пор тут воровства не было. – Смысл сказанного вполне ясен – от тебя, мол, одни неприятности. – Позвоните лучше папе.

– Да, вероятно, так и сделаю. – Кейт задумчиво сдвинула брови. – А пожалуй, даже зайду, все равно машина нужна. В Кольчестер сегодня поеду.

Идея родилась спонтанно, еще минуту назад и в мыслях не было. Но теперь она точно знала, что должна снова пойти в музей. Мысль казалась такой очевидной, сформировавшейся, как будто она все решила заранее.

– Его теперь нет дома. Он уехал в Ипсвич на целый день.

– А-а-а. – Кейт почувствовала разочарование. С тех самых пор, как проснулась ночью, Кейт мысленно представляла себе доброе, спокойное лицо Роджера Линдси. Он бы наверняка

знал, что делать. – Ты уверена, что одна тут справишься? – спросила она Элисон, которая в это время, проявляя чудеса ловкости, пыталась одновременно удерживать инструменты и красный «негритянский мозгодробитель».

– Конечно. Я всегда сюда в одиночку приходила. – Это было сказано твердым, задиристым тоном, не соответствовавшим мгновенной неуверенности, промелькнувшей во взгляде.

Посетителей в музее, когда Кейт шла по залу бронзового и железного веков к лестнице, было сравнительно немного. Слева доносился текст видеозаписи, не привлекавший слушателей. Кто-то нажал кнопку для порядка и ушел, и теперь звук тоскливым эхом разносился по пустынной галерее.

Марк Северий Второй невидящим взглядом каменных глаз осматривал стеклянные стенды вокруг себя. Лицо у него было вполне типичное – красивое, классически правильное, обрамленное, по моде тех времен, завитками волос. Было ли в нем сходство с оригиналом или статую купил в мастерской скульптора его почитатель или потомок – сын, например, – и поставил в память о нем рядом с гробницей? Кейт долго стояла перед статуей, пытаясь проникнуть в глубь каменного взгляда. Затем осторожно, понимая, что нарушает музейные правила, подняла руку и провела по лицу, по искаченному носу, по скулам, подбородку, плечам.

Рядом стоял стеклянный стенд с останками, извлеченными из гробницы. Кейт смотрела на них, не веря глазам своим. Она никак не ожидала увидеть кости.

«В гробнице, редкой для того периода, раскопанной на участке Б4, третий могильный холм в Стэнвее, были обнаружены останки Марка Северия Второго и его жены, Августы Достойной. Оставшись в живых после нападения Будикки на Кольчестер в 60 году от РХ, Марк Северий возглавил работы по восстановлению города. В гробнице были также обнаружены символы его власти, драгоценности и небольшие предметы захоронения».

Кейт смотрела сквозь стекло. Кости лежали кучками в пластиковой копии гробницы. Оба скелета были неполными. Значит, они умерли вместе, Марк Северий и его жена? Она нагнулась ближе к стеклу, чтобы лучше рассмотреть лежавшие там драгоценности. Два золотых кольца, ожерелье из сапфира и янтаря, две броши – серебряная и эмалевая, – несколько шпилек. Ее, вероятно. А ему принадлежали тяжелый перстень с печаткой, помещенный под лупу, чтобы можно было разглядеть гравировку: вставшую на дыбы лошадь. И его же, скорее всего, была большая серебряная пряжка со сложным рисунком и длинной чеканной булавкой. На информационной карточке в дальнем углу стенда Кейт прочла: «Экспонат № 4: фигурная пряжка чистого серебра, кельтского происхождения. Вероятная дата изготовления – первый век до РХ. Редкая для римского захоронения находка». Так как же к Марку Северию, римскому легионеру, попала кельтская пряжка для плаща? Купил? Захватил как трофей? Получил в подарок?

Выйдя, в конце концов, из музея, Кейт отправилась в центр города. Закупив свежих продуктов, пару пленок для фотоаппарата, фонарь с двумя дополнительными батарейками, выпив стакан вина и съев большую порцию феттучини с салатом в винном баре недалеко от Хайстрит, она внезапно купила то, что не собиралась, – пузырек с жидкостью для чистки серебряных изделий. Сверкающее серебро пряжки в стеклянном стенде навело ее на эту мысль. Тоже ведь когда-то была куском ржавого, непонятного металла. Вероятно, нельзя самой чистить ожерелье. Надо бы отдать музейным специалистам-реставраторам, но она тоже постарается действовать как можно более аккуратно, осторожно. Очень ей хотелось попробовать добиться того же эффекта, того же мягкого свечения. Ожерелье лежало в машине. Не хотела оставлять в коттедже и давать Элисон повод целый день его искать. Теперь ей вдруг захотелось скорее вернуться и проверить, на месте ли оно.

Она шла к машине по улице города, залитого лучами холодного, зимнего солнца. Чтобы добраться до многоэтажной стоянки, нужно было пройти мимо театра и сохранившейся доселе римской Триумфальной арки. Любуясь римской застройкой, нагруженная покупками, Кейт

шла по пешеходному мостику через двухполосное шоссе, похожее на шрам, – главную проезжую часть города.

Дорога по пути к ридольской усадьбе оказалась опасно скользкой. Дважды машина сползала с обочины, в тех же местах, где утром прошла более или менее благополучно. Вероятно, колею разбили другие машины. Может быть, надеялась Кейт, это значит, что Линдси передумали и вернулись домой пораньше? Но, пока она ставила машину в сарай, перекладывала ожерелье из запертого «бардачка» в заплечную сумку, доставала и раскладывала покупки и меняла туфли на сапоги, никаких признаков присутствия Линдси не обнаружилось.

Полмили до коттеджа по грязной дороге она шла довольно долго. Несколько раз останавливалась, чтобы переложить тяжелые сумки из одной руки в другую и отдохнуть. В косых солнечных лучах лес казался прекрасным. Обнаженные, без листвы, деревья походили на изящных стройных танцовщиков, размахивавших на ветру длинными руками, под ногами там и сям неожиданно показывали головки цветы; увядшая крапива, зимний гелиотроп и вероника, случайные букетики подснежников, стянутых в тугие бутоны. Острый аромат сосны, сырой травы и смолы вызывал восторг. И совсем не походил, как внезапно поняла Кейт, на запах земли, возникший в коттедже ночью.

Подойдя к дому, она с облегчением убедилась, что дверь заперта. Войдя внутрь, положила покупки на кухонный стол и прошла по дому, внимательно все осматривая. Ничего не тронuto. Даже пучок волос, который она, к собственному стыду, бросила на комод, так и остался там лежать. Никто не приходил. Чем больше она об этом думала, тем очевидней для нее становилось, что в ночном вторжении каким-то образом повинна Элисон. Кому еще приходится? Извинившись мысленно перед юной соседкой по дюне в том, что вновь заподозрила ее во вторжении, Кейт положила ожерелье на место, в ящик. Только тогда, успокоившись настолько, что начала весело насвистывать, она разгрузила сумки и поставила на плиту чайник.

Глава 15

Элисон долго стояла на краю карьера, подсчитывая урон, нанесенный ветром и приливом ее так тщательно освобожденному почвенному срезу. Дюна почти совсем обвалилась. Половина стены, оставленной накануне, рухнула. Лежала теперь кучей песка и земли на дне откоса, вперемешку с клочьями водорослей, ракушечником и гнилым полуобглоданным скелетом крупной рыбы. При виде этого погрома у нее лицо вытянулось. Сложив инструмент на краю ямы, она спрыгнула вниз. Подобрала лопатой дохлую рыбу и с отвращением отшвырнула ее на берег. Минуту спустя над ней уже с криком кружила, наострив когти, чайка.

Затем снова обернулась к порушенной работе и огляделась. Она успела заметить еще несколько необычных красноватых глиняных осколков, лежавших в рыхлой почве, и некоторые другие предметы. Маленькие, круглые, черные.

– Монеты! – Крик ее подхватила чайка, взметнувшаяся с берега и теперь намеревавшаяся вернуться к пиршеству – холодной белой рыбной плоти.

Тринадцать монет. Она аккуратно завернула их в мягкие тряпки, на всякий случай прихваченные с собой из дома, сложила в рюкзак и продолжила раскопки.

Она терпеть не могла тишину. Тишину, преграждавшую путь мирному монотонному шуму ветра и волн. Возникало ощущение опасности. Оно вползало в раскалывавшуюся от боли голову как живое существо, давило на мозг. Она была уверена, что в этом причина мигреней, в результате которых приходилось пропускать уроки, но на этот раз придумала, как избавиться от головных болей, как не допустить их. Полчаса спустя, под оглушающие звуки группы «Секс Пистолз» она тщательно раскапывала песок вилкой и совком, откладывая в сторону все, заслуживающее интереса. Внезапно она замерла, глядя на пятно темного песка, оказавшееся перед ней.

Кинжал еще оставался наполовину в песке, рукоятка и вывернутая гарда основательно попорчены ржавчиной, но не настолько, чтобы нельзя было определить, что это такое. Элисон долго, не в силах пошевелинуться, смотрела на этот предмет, затем упала на колени и принялась благоговейно, затаив дыхание, окапывать песок вокруг. Кинжал оказался примерно пятнадцати дюймов длиной, клинок – два дюйма в самом широком месте. Потрясенная, она долго смотрела на него, не выпуская из рук, в то время как вопли Джонни Роттена, подхваченные ветром, неслись по пляжу в открытое море. Наконец Элисон поднялась, неловко вытянув руку с находкой вверх, и снова потянулась за рюкзаком.

Порыв ледяного ветра застал ее врасплох. Он вырвал из рук рюкзак с драгоценным грузом и поволок вдоль берега, а следом за ним помчалась Элисон, ослепляемая песком, засыпавшим глаза, пытаясь поймать сумку. Метелка развалилась и, улетев к краю дюны, застряла в гальке. Магнитофон плавно тонул в рыхлой почве, продолжая выпускать навстречу ветру музыкальные аккорды до тех пор, пока тяжелый песок не надавил на кнопки и не выключил его, заставив замолчать.

Шквал улетел так же быстро, как возник. Откинув с глаз волосы, Элисон вылезла из ямы и оглядела берег. Рюкзак она увидела сразу. Он лежал, ярко освещенный, среди копны водорослей в пятидесяти ярдах вдоль береговой линии. Она подбежала к нему, схватила и, задыхаясь, прижала к груди. Затем вернулась обратно.

Над дюной песок, обезумев, все еще вихрился, вздымаясь над поверхностью фута на четыре. Несколько секунд Элисон смотрела ему вслед, а вихрь, вылетая из карьера, мчался вдоль берега по направлению к рукаву, уходившему в залив. И вот он исчез.

Она нервно сглотнула. Гиблое место. Она заставила себя вернуться и оглядела участок, где спокойно работала всего пять минут назад. Все усилия впустую. Песок снова рассыпался беспорядочными кучами, а под ними похоронена метелка и лопата. Совок исчез. Магнитофон

полузатоплен и не работает, закуска – две шоколадки и банка кока-колы – упала в лужу морской воды.

– Черт!

Она спрыгнула в яму. Собрав свои вещи, сложила их наверху. Включила магнитофон и успокоилась, услышав, как он снова взорвался звуками – к счастью, цел. Музыка значительным образом восстановила душевное равновесие. Элисон сорвала обертку с шоколадки – чудом не пострадала – и с удовольствием принялась за нее.

В двух ярдах левее, не замеченная и почти невидимая в глине, из которой появилась, согнутая и съеженная, очутившись на холодном сыром воздухе, начала разлагаться человеческая рука.

За спиной у Элисон, возвышаясь над ней, задрожала тень. Когда она наконец подняла голову и увидела ее, тень приняла очертания и размеры мужчины.

Глава 16

О, как она прекрасна, мать его сына. Он не мог оторвать от нее глаз: она лежала у противоположного конца низкого стола, подперев голову локтем и лениво подбирая с тарелки спелые фиги. Волосы, пышные, густые, заплетены в тяжелые косы и уложены кольцами, заколотыми четырьмя костяными шпильками. Гладкая, нежная, белая кожа; упругая грудь зрелыми плодами вздымает мягкие складки длинной туники. Он почувствовал, как напрягается плоть. Эту грудь гладили руки и целовали губы другого мужчины. Как странно. Пламенный гнев и острый приступ ревности едва сдерживал ледяной покров, образовавшийся в душе. Сдерживал, охлаждал, но не гасил.

Как все было бы, если бы он вернулся в Рим, в отчий дом? Не промахнулся ли он, приняв в подарок землю в первой колонии британской провинции Клавдия? Колония Клавдии Победительницы, ранее – Камелодун. Он задумчиво положил в рот сушеную фигу. Земля принесла ему состояние, авторитет, почитание – превосходное завершение образцовой военной карьеры. Но молодая жена пребывала в унынии. Мечтала вернуться в Рим. Она и сестра ее ненавидели Британию. Одной из причин, по которой она так страстно желала вернуться, был мужчина. Думала, что ему ничего неизвестно, но именно из-за этого мужчины в первую очередь Марк принял должность так далеко от дома. Он мрачно усмехнулся.

Всего лишь пару месяцев назад она переменяла свое отношение к Британии, и он сразу заподозрил неладное.

Почувствовав на себе его взгляд, Клавдия подняла глаза. Улыбка ее безжизненна. Холодна. Одно притворство. Он ответил улыбкой и заметил сомнение, промелькнувшее в прекрасных серых глазах. Но лишь на мгновение. Она уверена в своей безопасности. Считает, что умна. Пусть. Он дожидается своего часа. Нужно выбрать момент. Только любовник ее должен знать причину постигшей его смерти. Марк не имеет права допустить огласки и скандала. Личное горе и ярость нужно уметь держать в тайне, не отдавать на волю толпы. Любая искра, готовая возгореться в пламя восстания, должна быть немедленно погашена. Никаких взрывов неприязни между местными племенами и Римом.

Но в глубине души... Он тяжело вздохнул, железной силой воли сдерживая гнев. Но втайне от всех он отомстит.

А наказание, которое постигнет жену его потом, после, продлится до конца жизни ее и целую вечность.

На мгновение у Кейт возникло желание налить в термос кофе и взять с собой к месту раскопок, чтобы посмотреть, как там идут дела, но она тут же раздумала. И так все утро впустую потратила. Остаток дня надо посвятить работе. Кроме того, Элисон, вне всяких сомнений, встретит в штаны любого, кто помешает ее раскопкам. Может быть, попозже Кейт выйдет на берег подышать свежим воздухом, но только не теперь.

Усердно проработав около получаса, она вынуждена была прерваться, услышав телефонный звонок. Сняв очки, прошла в кухню, и взяла трубку.

– Привет, Кейт.

– Джон? – Тревожно екнувшее сердце, внезапное волнение, вспыхнувшее при звуке его голоса – все это рефлекс, как учил Павлов, уговаривала она себя, последствия совместной жизни и глубокого чувства. – Как ты узнал мой номер телефона?

– Билл сказал. – Поначалу он как будто защищался, но тут же сник. – Надеюсь, ты не возражаешь?

Она улыбнулась.

– Нет. Не возражаю. Конечно, не возражаю. Как у тебя дела?

– Все в порядке. Слава Богу, скоро конец! – В голосе слышалась усталость, подавленность. – Как ты?

– Прекрасно. Много сделала.

– Дом хороший?

Интересно, из вежливости спрашивает или действительно беспокоится?

– Да. Просто замечательный.

– Билл сказал, там очень безлюдно.

– Так оно и есть. Здесь прекрасно работается. – Она почувствовала, как к горлу подкатил комок. Все-таки она тоскует по нему!

– Хорошо. Скоро смогу отдать тебе долг. Прости, что так долго. Послушай, Кейт, я завтра улетаю в Бостон, попробую позвонить тебе оттуда. – Так много хотел сказать ей, столько рассказать и не получилось. Как будто язык отнялся. Ведь любил ее и сам все испортил. – Береги себя.

Вот и все. Повесил трубку. Она смотрела на замолкшую трубку в руке и внезапно почувствовала приступ глубокого одиночества.

Теперь, расстроившись, она уже не могла вернуться к работе. После нескольких минут борьбы с самой собой встала, отбросила очки и взяла куртку.

Пляж был пустынный, полуосвещенный в наступавших сумерках последними лучами пятнистого солнца, поспешно удалявшегося за морской рукав. Вдоль береговой линии суетились чернозобики, обследуя клювами песок. Далеко в море дожидался наступления темноты туман, скапливаясь на горизонте. Элисон нигде не было.

Кейт долго стояла на краю ямы, глядя вниз. Месиво из песка и ила, спутанные водоросли, ракушечник – вот во что превратило море то место, которое девочка считала римской гробницей. Никаких признаков кропотливой работы. Вертикальные срезы, проделанные лопатой, исчезли, и на их месте обнажился горизонтальный слой; песок перемежался теперь с длинными светлыми полосами глины и более широкими прослойками черного болотного торфяника, три тысячи лет назад залегавшего здесь, в пойме реки, когда до моря еще было две мили. Разглядывая это месиво, Кейт вздрогнула. Там, в яме, остались лежать черепки глиняной посуды. По какой-то причине Элисон решила их не собирать; оставила она и металлический предмет, лежавший на подстилке из вырванной с корнем травы.

Скользя и падая, Кейт спустилась вниз и, подобрав предмет, стала внимательно исследовать. Это был кинжал.

Она вертела его в руках, задумчиво рассматривала изъеденный ржавчиной клинок. Холодный.

Марк.

Это слово кто-то шепнул ей на ухо. Ветер выдохнул. Воображение разыгрывается. За спиной у нее, над лесом, постепенно чернело небо, и на нем одна за другой вспыхивали звезды.

Выбравшись из ямы, Кейт поспешно двинулась к дому, зажав в руке кинжал клинком вниз, как будто он все еще был достаточно острым. Таким он и был.

Захлопнув дверь и отгородившись от быстро спускавшейся темноты, она заперла ее на ключ, задвинула засов и, положив кинжал на кухонный стол, сняла телефонную трубку.

В ридольской усадьбе никто не ответил.

Она выслушала несколько длинных гудков и положила трубку. Если Элисон нет дома, то где же она? Кейт задумчиво прошла в гостиную и включила настольную лампу. Уже начав задергивать шторы, она оглянулась на печку. Как же так? Не может быть! Печь погасла, и в очаге ни одного полена.

– Проклятье! – Она совсем расстроилась. Как не хотелось выходить даже в сарай. Никакого желания снова отпирать дверь. Кейт задрожала всем телом и почувствовала, что готова разрыдаться.

Идиотка. Бестолковая баба. Скучает по Джону. Пугается собственной тени! Ну же, Кеннеди, что с тобой? Что бы подумала о тебе сестра, Анна, если бы тебя сейчас увидела? Она решительно надела куртку.

В ранних сумерках она с трудом различала стволы ближайших деревьев, поблескивавшие в сыром воздухе. Твердым шагом, с пустой коробкой в руках она направилась к сараю.

Инструменты Элисон лежали у входа, брошенные кое-как, как будто впопыхах. Кейт достала из кармана фонарь и посветила внутрь сарая. Луч света выхватил совок, лежавший у самой двери. Кейт прикусила губу. Что заставило Элисон убежать стремглав, оставив, скорее всего, самую ценную из своих находок и побросав рабочий инвентарь, который раньше всегда так бережно складывала?

Лучше об этом не думать. Вероятно, надоело все. Кейт с улыбкой вспомнила «негритянский мозгодробитель». Она быстро прибрала инструменты и наполнила коробку поленьями и щепой. Теперь, когда коробка тяжелая, она не сможет пользоваться фонарем. Она неохотно выключила его и сунула в карман. После яркого света сад показался еще темнее, но освещенное кухонное окно позволяло видеть дорогу достаточно ясно.

И еще автомобильные фары.

Замерев и прижав коробку к груди, она смотрела, как, приближаясь, прыгал свет фар. «Лендровер» выбрался из леса на открытую поляну и остановился у входа в дом. Невидимая в темноте, Кейт ждала, пока откроется дверь и водитель выйдет из машины. Он подошел к двери и распахнул ее.

– Эй, есть кто-нибудь?

К своему разочарованию, Кейт услышала густой баритон. Это не Роджер, а Грег.

– Есть. – Кейт злорадно усмехнулась, заметив, как он вздрогнул от неожиданности, когда она неслышно появилась из-за угла коттеджа с коробкой в руках. – Добрый вечер.

– О Господи, вы напугали меня. – Он молча смотрел на нее некоторое время, но все же галантность, долгие годы воспитываемая отцом, дала себя знать, и он преодолел наигранную грубость, увидев у нее в руках тяжелый груз. – Ну, давайте сюда.

Она благодарно передала ему коробку и провела в дом.

– Я была в Кольчестере, и печка, к сожалению, прогорела. – Она заперла входную дверь, проверив надежность замка, и прошла в кухню. Там задернула занавески на окнах, преградив путь яркому пучку света, лившемуся на лужайку. Сад сразу нырнул в темноту.

– Я пришел за Элисон. Она у вас?

Кейт резко обернулась и посмотрела на него в упор.

– Вы хотите сказать, что ее до сих пор нет дома? Я ходила на берег, думала, она еще копает, но ее там уже не было.

Они смотрели друг на друга, и враждебность, так явно ощущавшаяся между ними, внезапно притихла. Грег поставил коробку на пол.

– Вы уверены?

– Конечно, абсолютно уверена.

В кухне зазвонил телефон. Она побежала и схватила трубку. Грег следовал за ней. Звонил Роджер.

– Передайте, пожалуйста, Грегу, что она с подругой. Глупый ребенок, даже записки не оставила. Выяснилось, что она пошла через лес к Фарнборам. И останется у них на ночь.

– Я уверен был, что с ней все в порядке. – Грег с раздражением покачал головой, когда она сообщила ему новость. Затем потянулся к полке и взял оттуда коробок спичек. – Хотите разожгу огонь, раз уж я здесь? – Тон был сухой, как будто он предлагал помощь против желания.

– Прошу вас. – Кейт постаралась, чтобы в голосе не просквозило слишком откровенной благодарности. – Растопка там лежит. Я пока налью нам виски.

– Готово. – Грег вернулся несколько минут спустя. – Господи, что это? – Он заметил кинжал, лежавший на кухонном столе рядом с кофейником. С любопытством взял его в руки и стал рассматривать. – Где вы это нашли?

– В карьере Элисон.

Он нахмурился.

– Кажется, она просила вас ничего там не трогать.

– Просила. Ия не собиралась ничего трогать. Кинжал лежал на краю ямы, как будто она уронила его. Еще один прилив, и он бы пропал. – Она налила виски и подвинула один стакан ему. – Я ведь говорила, что ходила на берег смотреть, там ли она. В ее карьере все разрушено.

Он поднял стакан к губам и отпил глоток, не выпуская кинжала из рук.

– Я думал, она работает аккуратно.

– Так и работает. Только вчера мне показывала. Вероятно, всему причиной ночная буря. В яме полно водорослей, и полстены рухнуло. Видимо, таким образом оказалась снаружи эта вещь. – Она кивнула на кинжал.

Поставив стакан на стол, Грег внимательнее пригляделся к кинжалу.

– Думаете, он римский? – Он посмотрел на Кейт.

Она не заметила смешливой искорки, вспыхнувшей в его глазах, и лишь пожала плечами.

– Не знаю. Не думаю. Скорее всего, вещь более древнего происхождения, но я не археолог. Мне кажется, ей все же нужно привести сюда специалистов. Можно нанести непоправимый вред, если так ковыряться тут. – Об ожерелье она пока не обмолвилась.

– Судя по вашим словам, море может напортить еще больше. Она в конце концов хоть несколько вещей спасет. – Грег положил кинжал на стол. – Я бы на вашем месте принес его, когда завтра придете на ужин.

– Принесу. – Она встретила с ним взглядом, и они изучающе посмотрели друг на друга.

– Ну, как вам нравится ридольский коттедж? – спросил он наконец.

– Очень нравится, но мне жаль, что вам пришлось из-за меня съехать.

– Хотите сказать, что приглашаете меня обратно, вместе пожить? – Он вопросительно поднял брови.

– Нет. – Она не смутилась. – Я плачу за уединение.

– А я его нарушаю. – Он снова поставил стакан.

– В течение ближайшего получаса – нет. Я позволяю себе передохнуть время от времени. Еще виски? – Взяв в руки бутылку, она кивнула на стакан. Он казался ей интересным. Красивый, дерзкий, вероятно, талантливый, он представлял для нее в некотором роде загадку.

– Можно. Едва ли сойду за пьяного за рулем этой колымаги. Никто не заметит разницы.

Кейт направилась в гостиную, он за ней. Она налила ему в стакан виски и подняла глаза.

– Кто-то сюда ночью забрался.

– Забрался? – Вопрос был задан спокойным тоном. Вежливый интерес, не более. Если и был удивлен, то не выказал этого.

– Кажется, что-то искали.

– В полицию сообщили?

Она покачала головой.

– Кто бы это ни был, у него был ключ. – Она села в кресло, придерживая стакан на колене.

– Ах вот как. И вы думаете, что это был я.

– Нет, это была женщина.

Тут он не смог скрыть удивления.

– Вы ее видели?

Она пожала плечами.

– Не то чтобы видела. Но уверена, что это была женщина – пахло духами. Поначалу я решила, что это Элисон дурака валяет, но теперь не уверена. Может быть, ее подруга. – Кейт помолчала. – Или ваша.

Он как будто не заметил последнего замечания.

– Что-нибудь пропало?

– Нет. Во всяком случае, ничего из моих вещей. – Она отпила из стакана, не глядя на Грега. – Вы намеренно оставили свои картины наверху? – спросила она, помолчав, устремив взгляд на печку. Огонь внутри гудел как разъяренный зверь.

Грег пнул ногой открытую вьюшку.

– Да, намеренно. В усадьбе нет места. А что, не нравится? – Он с размаху опустил в кресло напротив и с вызовом посмотрел на нее.

– Не очень.

– Слишком круто для вас? А? – И вдруг в глазах промелькнула растерянность. – Вы предполагаете, что какая-то картина исчезла?

– Нет, все были на месте, как мне кажется. Но должна признаться, – продолжала она, – картины чересчур тревожные.

– Они отражают душу этого места. Коттеджа. Залива. Земли. Моря. Когда-нибудь море здесь все потопит, знаете ли.

– Я тоже так думаю. – Она не намеревалась поддаваться впечатлению от этой драматической декламации. – И скорее рано, чем поздно, если раскопки будут продолжаться.

Он нахмурился.

– Странно. Никому из нас невдомек было, что там что-то есть. Элли обнаружила ее совсем недавно – я имею в виду дюну. – Казалось, будто она насыпана людьми, а не природой. А потом, всего пару недель назад, с нее обвалился огромный участок, и стали вылезать наружу все эти осколки, черепки. – Говорил он спокойно, но при этом тщательно подбирал слова и не сводил глаз с лица Кейт. – Дьявольское место, так и пышет пороком, злом. Я в картинах это показал. Удивительно, что Элисон таких чувств не испытывает. Поразительно толстокожий ребенок. Вероятно, сама себя анестезирует этой грохочущей дребеденью, которую называет музыкой.

Кейт улыбнулась.

– Мне сегодня довелось увидеть ее красную игрушку.

Он прав. Она успела его почувствовать. Зло. Она непроизвольно вздрогнула и рассердилась, увидев, что он это заметил. Он улыбнулся, подчеркнуто поставил на стол стакан и, поднявшись, направился к печке. Открыл заслонку и подложил еще одно полено.

– Если хотите, я могу сообщить в полицию о ваших непрошенных гостях.

Она отрицательно покачала головой.

– Ничего не пропало. Уверена, что это просто школьная выходка. В следующий раз буду покрепче запирать дверь.

– И не боитесь оставаться здесь в одиночку? – Он вопросительно вскинул брови. – А может быть, это был вовсе и не грабитель. Может быть, женщина, которую вы видели – привидение. Я вас предупреждал, что тут нечисто. Прибежище духов и порока. Местные жители на шаг не подступятся.

Так, вероятно, вот в чем все дело? Не пытается ли он таким образом, напугав до смерти, заставить ее убраться? Она рассмеялась.

– Как автор исторических романов я вне себя от счастья соседствовать с привидениями.

– Надеюсь, вы не испытываете судьбу такими словами, – сказал он. Снова опустившись в кресло, он положил ногу на ногу, левую на правую, и вздохнул. – Мне временами было здесь невмоготу. Манера живописи стала меняться. Все более яростная становилась. Хотя я сам по природе весьма жизнерадостный тип.

Она внимательно наблюдала за ним.

– В усадьбе мне пишется совсем по-другому. Более поверхностно, – задумчиво продолжал он. – Если мне когда-нибудь суждено создать шедевр, это случится здесь, в коттедже. – На короткое время он как будто забыл о ее присутствии, забыл о том, что собирался ее напугать, разговаривал с самим собой. Затем, вспомнив о ее существовании, поднял глаза. – Похоже, искусство должно пасть жертвой коммерции.

Удар исподтишка. Она сделала вид, что не поняла намека.

– Значит, вы свои картины не продаете?

– Нет.

Ответ, доверху насыщенный презрением, а следом долгая пауза. Она не продолжила тему беседы. Пристально разглядывая его лицо, в то время как он не сводил мрачного взора с печного огня, она внезапно заметила круги усталости под глазами и поняла, что Грег Линдси – глубоко несчастный человек. Это открытие поразило ее. Она тоже перевела взгляд на языки пламени, и затянувшееся молчание стало неловким.

Наверху послышался треск, и они оба вскочили.

– Черт! Что это? – Грег поставил стакан.

Она судорожно сглотнула. Подобный треск ей уже приходилось слышать, но поиски источника ни к чему не привели.

– Видимо, ветер хлопнул створкой окна, – сказала она наконец. – Пойду посмотрю, пожалуй. – Но не сдвинулась с места. В комнате вдруг стало так тепло и спокойно. Не хотелось подниматься по лестнице.

Шум, вероятно, отвлек его от размышлений. Он взглянул на нее, отметив побледневшее лицо и взволнованный взгляд, и удивился собственной реакции. Должен бы радоваться ее испугу, но преднамеренная враждебность дала трещину, и на короткое мгновение ему вдруг отчаянно захотелось защитить ее.

– Я сам проверю.

Перепрыгивая через две ступеньки, он взбежал вверх и сначала заглянул в нежилую комнату. Там было пусто, только коробки, картонки и его картины, стоявшие на своем старом месте за дверью. Отметив на ходу, что они по-прежнему повернуты лицом к стене, он вышел из комнаты и включил свет во второй. После строго деловой атмосферы гостиной внизу – компьютеры, книги – спальня, его спальня, поразила непривычным духом женственности. Он огляделся. Все на местах. Обе двери открыты. Ничего не упало – он и картину на стене проверил. Один из его пейзажей, совсем нетипичный – поле, усеянное колокольчиками в ридольском лесу. Он нахмурился. Вероятно, мать принесла. Раньше она висела в свободной комнате в усадьбе. Удостоверившись, что видимых причин для такого грохота не было, он еще раз, вторично, обвел взглядом комнату. Банный халат на постели, тапочки рядом с кроватью – то и другое яркооранжевого цвета, наверняка удачно оттенявшего ее собственную, довольно бесцветную фактуру. Он внезапно понял, что пытается представить ее в халате. На комод – горсть серебряных браслетов, которые были на ней в день приезда, насколько ему помнится. Рядом с ними стакан с зимними цветами, вероятно, собранными в лесу. Взгляд натуралиста тут же определил в букете барвинок, крохотные засохшие цветы крапивы и веточку волчника, которую она, скорее всего, разыскала в заброшенном саду. Продолжая свой беглый осмотр, он заметил небольшой набор косметики. До сих пор, когда он ее видел, на лице косметики не было ни капли, но, очевидно, при случае она не прочь подмазаться. Он обратил внимание на книги в мягких обложках, лежавшие на низком подоконнике, – поэзия и историческая публицистика. Так, писательница беллетристику не жалуется.

– Нашли что-нибудь?

Ее голос, прозвучавший за спиной, застал его врасплох, и он растерянно вздрогнул.

– Ничего. Обе двери были распахнуты. Похоже, ничего не свалилось. Окна закрыты.

– Может быть, это снаружи?

– Вы имеете в виду трубу? – Он улыбнулся. – Думаю, мы бы заметили, если бы она крышу проломила.

– Так в чем же дело? – В голосе послышалось раздражение. Стоя на лестничной площадке, она заметила, как он разглядывал вещи. Его настойчивый интерес возбудил в ней чувство собственной уязвимости и рассердил.

– Вероятно, дух Марка. Я много кое-что здесь слышал. – Она никак не отреагировала на такое замечание, и он, взглянув на часы, направился к лестнице. – Послушайте, Кейт, я должен идти. Здесь все спокойно, никого нет. Я с улицы взгляну на крышу и принесу вам еще дров. Вероятно, деревья трещали – ветка сломалась или что-то вроде этого. Надо еще принять во внимание акустику. – Он спускался по лестнице, Кейт – следом. – Если вас снова что-нибудь потревожит, позвоните, и я или отец приедем и все тут проверим.

– Думаю, не придется. Все будет в порядке.

Марк.

Она вздрогнула от этого имени, непрошеным гостем ворвавшегося в создание. Грег в это время надевал сапоги и куртку. Часть ее существа желала, чтобы он ушел. Вел он себя вполне вежливо, но неприязнь ощущалась. Зато другая часть тряслась от страха. Никак не желала оставаться в одиночку. Глупость какая. Она сняла коттедж на шесть месяцев и не собиралась пускать к себе при этом жильцов. Надо привыкать жить в одиночестве, привыкать к любым звукам, какими бы ни стремилась удивить ее деревня. Как будто в испытание ее решимости в распахнутую Грегом дверь донесся яростный лай лисицы. Он повернулся к ней и посмотрел в упор.

– Надеюсь, вы знаете, что это.

Негодяй! Предполагал, что она испугается.

– Знаю, – сказала Кейт. – Большую часть жизни я прожила в деревне. Тот факт, что у меня теперь, нет, был, – поправились она, вспомнив все сложности, связанные со съездом с квартиры Джона, – лондонский адрес, еще не повод считать меня горожанкой.

У него, как показалось Кейт, хватило ума несколько смутиться. Поклонился, шутливо приложил руку к козырьку и только тогда, повернувшись, пошел к «Лендроверу». Она не слышала прощальных слов, которые он произнес, садясь за руль:

– Ну и черт с тобой, Дристократка!

И только когда задние габаритные огни пропали в чаще деревьев, Кейт сообразила, что он не только на крышу не взглянул уходя, как обещал, но и дров тоже не принес.

– Скотина! – На этот раз она высказала свое мнение вслух и взглянула в коробку. Там лежало еще несколько поленьев, но на всю ночь их не хватит; большая часть по ее инициативе уже истоплена. Хочешь не хочешь, а снова тащись в темноту.

Фонарь она нашла там, где оставила, на полке в кухне. Рядом с кинжалом. Взглянув на куртку, висевшую за дверью, она приняла решение – истопятся дрова, тогда она согреет воду для ванны электричеством и ляжет в постель. Никто и ничто не заставит ее больше выйти за дверь до утра.

С огромным чувством облегчения она задвинула засов и вернулась в гостиную. Проверила, закрыта ли топка – пусть хоть погреет, несчастная, подольше, поставила кассету с «Загадочными вариациями» Элгара¹¹ на полную громкость, и налила себе еще виски.

Проработав над книгой пару часов и уже отпечатывая для себя черновой вариант, она вдруг вспомнила о жидкости для чистки серебра, которую спрятала в буфет под раковиной. Выключив со вздохом облегчения компьютер, аккуратно сложила бумаги и направилась к

¹¹ Английский композитор и дирижер (примеч. перев.).

ящику. Достав ожерелье, она внимательно осмотрела его при ярком свете кухонного светильника. Черное с прозеленью. Встряхнула пузырек и капнула осторожно на металл, затем потерла углом тряпки. Десять минут терла и наконец решила отказаться от попыток. Как бы энергично ни работала – никакого результата. Расстроившись, она отложила тряпку и ожерелье на кухонную полку. В этот момент зазвонил телефон.

– Привет, Кейт. – Голос Джона звучал так отчетливо, как будто он говорил из соседней комнаты. – Я в Бостоне. Как поживает лорд Джордж?

– Хорошо поживает. – Она почувствовала, что не может сдержать улыбки. – А как твоя поездка?

– Нормально. Немного утомительно. Слава Богу, скоро конец. Сейчас пью чай в отеле. С булочками. Потом буду одеваться к вечеру. А ты чем занимаешься?

– Чищу древнее английское ожерелье современным английским средством. Никакого результата. – Облокотившись о полку и поудобнее прижав к уху трубку, Кейт повернулась и снова посмотрела на плоды своего труда.

– Забавно. – Ответ из-за океана прозвучал приглушенно. – А где, позволю спросить, ты взяла древнее английское ожерелье?

– На пляже нашла.

– Понятно. – Она почувствовала по голосу, что он не поверил. – Надеюсь, не на шее древнего англичанина.

– Нет, такого пока не нашла. – Она снова улыбнулась. – Тебе бы здесь понравилось, Джон. – Это был тонкий намек, безобидное предложение.

– У тебя веселая компания? – Ирония, прозвучавшая в голосе, напомнила ей, что они больше не друзья. И не любовники.

Так зачем же он звонит?

Могла бы не спрашивать, и так понятно.

– У меня тут никаких компаний, Джон. Разве что птицы и, наверное, тюлени в заливе водятся.

– И время от времени древний англичанин попадает.

– Почти угадал. – Она постаралась придать тону налет беззаботности, на американский манер, как надеялась. – На самом деле привидение римского происхождения.

Возникла недолгая пауза.

– Похоже, ты говоришь серьезно, – осторожно произнес Джон.

– Неужели? – Она сразу вспомнила, как тонко он чувствует нюансы. Чувствительность, вот что ей так в нем нравится... нравилось, тут же поправила она себя. Но в последние несколько недель именно это качество затрудняло их отношения.

Она весело рассмеялась.

– Ну что ты! Я просто шучу.

– Понятно. – Он все еще размышлял по поводу ее слов. – Как ты себя чувствуешь?

– Прекрасно.

– Ну что ж, я рад. Развлекайся, малыш. Позвоню тебе через день-два.

И на этот раз он не дал ей возможности попрощаться. Линия отключилась, и Кейт осталась с трубкой в руке, глядя на нее безнадежно. Медленно положив трубку на рычаг, она задумчиво вернулась к столу и снова взяла тряпку.

Порыв холодного ветра за спиной, принесший запах сырой земли, заставил ее вздрогнуть от неожиданности. Она резко повернулась. Вероятно, распахнулась входная дверь, несмотря на все ее манипуляции с замком и засовом. Она выглянула в прихожую. Дверь закрыта, как и прежде. В прихожей темно и пусто.

Перестань, Кеннеди. Либо окно открылось, либо ветер в трубу залетел. Она поняла, что разговаривает шепотом сама с собой, оглядывая теплую, тускло освещенную гостиную. Печка

все еще слабо светилась, хотя в топке дров не осталось. В комнате становилось прохладнее, но запах земли доносился не оттуда. Он шел сверху.

Вероятно, открылось окно в спальне. Она нахмурилась. Сама открывала его, чтобы полюбоваться морем и туманом, плывущим по неподвижной серой воде навстречу ночи, бредущей с востока. А потом, видимо, не заперла. Взявшись за перила, она стала подниматься.

Обе двери наверху стояли открытые. Обе комнаты погружены во мрак. Подняв руку, Кейт щелкнула выключателем. Окно в ее спальне, как она была заранее уверена в глубине души, закрыто, шторы плотно задернуты. Она принюхалась. В доме где-то протечка, и во время дождя ощущение сырости усиливается. Выйдя из комнаты, она заглянула в другую, напротив. Там запах казался настойчивее, а воздух холоднее. Гораздо холоднее. Эта комната смотрит окном на северную сторону, напомнила себе Кейт, входя внутрь. Окно закрыто и, судя по паутине на замках, не открывалось давным-давно.

Она тщательно осмотрела обои на стенах, выискивая признаки выцветания. Лимонно-желтые цветочки на коричнево-зеленых стеблях рассыпались по неровным стенам и меж дубовых балок; никаких пятен сырости.

Выключив свет, она снова стала спускаться по лестнице, продолжая принюхиваться. Запах все еще сильный. Приторный, холодный аромат свежескопанной цветочной клумбы после дождя. Пожав плечами, она вернулась в гостиную, включила магнитофон и опустилась в кресло, ближайшее к огню.

Когда она проснулась, вариация «На юге» закончилась, огонь погас и в комнате стоял пронизывающий холод. Болела голова, и в первый момент она даже не смогла пошевелиться, так замерзла. С трудом поднявшись на ноги, застонала и потянулась к выключателю настольной лампы. Выключила свет и направилась к двери. Теплая постель и гора мягких подушек, в которые можно уткнуться, – вот что ей надо. Прежде чем выйти, она еще раз оглядела комнату и только тогда погасила верхний свет и погрузила ее в темноту. Лишь добредя до ванной и взяв зубную щетку, она вспомнила, что не ужинала. Две порции виски не слишком питательный ужин. Может быть, отсюда и головная боль такая жуткая. Она нахмурилась. Слишком много пить стала. Кейт раздумывала: поесть что-нибудь или нет, и поняла, что совсем не голодна. И еще поняла, что не включила нагреватель, поэтому горячей воды для ванны не хватит. Вздыхнув, склонилась над раковиной и плеснула в лицо теплой водой. Самое лучшее теперь – лечь спать. Пища и ванна могут подождать до утра. Вот одно из преимуществ одинокого существования, внезапно пришло ей в голову. Делай что душа пожелает. Хочешь – готовь, не хочешь – не надо. Хочешь – мойся, не хочешь – нет. Спи когда вздумается. Вот именно теперь ей этого хочется больше всего.

В тот самый момент, когда она поставила ногу на первую ступень лестницы, наверху возникло некое движение. Кейт похолодела.

– Там есть кто-нибудь? – Голос прозвучал тонко, испуганно в тишине.

Нет ответа.

– Кто там? – снова окликнула она. Сонливость как рукой сняло.

Ответом была барабанная дробь дождевых капель по оконному стеклу – с моря налетел шквальный порыв ветра.

– Господи, мне уже мерещится, – пробормотала она. Глаза устали. Слишком много перед компьютером просидела, вот и вся причина. Объяснение вполне логичное, но все же подняться наверх стоило невероятных усилий воли. Там она повсюду зажгла свет. В комнатах никого, закрытые окна надежно стерегут от бури. Она потянула носом. Запах сырой земли как будто исчез, хотя, раздвинув шторы, она увидела, что дождь изо всех сил колотит по оконному стеклу.

Раздевшись как можно скорее, она шмыгнула под одеяло. Свет на лестничной площадке остался гореть, разгоняя тьму. Так она лежала, не в силах сомкнуть глаза, прижимая одну

из подушек к груди, устремив взгляд через дверной проем на небольшое пространство стены – темно-розовой, поделенной светлой дубовой балкой, – единственное, что было видно с постели. А еще она слушала дождь.

Глава 17

– Ты не спишь, Сью? – Элисон лежала в темноте и смотрела в противоположную сторону комнаты, где стояла кровать подружки.

– Не сплю.

Вот уже два часа, как они шепчутся и хихикают. Дважды за это время приходила мать Сью Фарнборо, Сисси, шикала на них утомленным голосом и уговаривала спать; наконец она сама легла, и во всем доме погас свет. Последние двадцать минут паузы, возникавшие в беседе девочек, становились все длиннее.

– Думаешь, надо дома все рассказать?

– О том, что случилось на месте погребения?

– Конечно, о чем же еще.

– Нет, они обязательно все напортят. Родители всегда так. Ты собираешься туда возвращаться?

Элисон помолчала, раздумывая.

– Конечно, вернусь. Хочу продолжить раскопки.

– Сама?

– Можешь пойти со мной. – В голосе Элисон послышалась надежда.

– Нет уж, это дело не по мне, – решительно заявила Сью.

– Ну пошли. Тебе понравится. Это весело.

– Ничего веселого не вижу. – Сью ехидно усмехнулась в темноте. – Ты так испугалась, что чуть не описалась. Сама сказала.

– Ничего я не говорила.

– Нет, говорила. А зачем сюда притащилась? Неслась по лесу, вместо того чтобы дома сидеть и ждать, когда мама из Кольчестера вернется. Дрожала как осиновый листок.

– Ничего подобного.

– А вот и да. В школу завтра собираешься?

– Нет. Я еще неважно себя чувствую.

– Придуриваешься, лучше скажи. Ладно, Элли, все, я завязываю. Спать хочу. – Сью потянулась к наушникам Уокмана и включила маленький магнитофон под подушкой. Вопли «Сестер милосердия», запущенные на полную мощность, мало походили на колыбельную, но она заснула в считанные минуты.

В противоположном конце комнаты лежала без сна Элисон, глядя на зашторенные окна и прислушиваясь к стуку дождевых капель. Несмотря на теплое пуховое одеяло, которое ей дали на ночь, она снова дрожала всем телом.

Глава 18

Кухонный стол был измазан сырой землей вперемешку с песком. Кейт смотрела на него, не в силах отвести взгляд. Ожерелье лежало там, где она оставила его, рядом с тряпкой и пузырьком с полировкой. Она дотронулась до земли пальцем. Мокрая, холодная. Она пригнулась. Запах еще есть, но уже слабый, хотя все тот же – свежескопанного сада.

Или свежерытой могилы.

Кейт покачала головой. Спала она неважно. В комнате было холодно, шум дождя и ветра за окном несколько раз за ночь пробуждали ее от тревожных сновидений. Голова такая тяжелая, что она не в силах даже с мыслями справиться. Прошла к раковине, наполнила чайник и поставила его на плиту. Может быть, чашка кофе поможет найти объяснение испачканному столу. Должна же быть какая-то причина. Земля не может сама собой на столе появиться. С потолка свалилась, если от дождя протечка усилилась, или резким порывом ветра занесло из-под входной двери или из трубы.

Она положила в кружку чайную ложку растворимого кофе и долила кипятку. Коричневые гранулы прилипли к синим фарфоровым стенкам, постепенно растворяясь при помешивании. Язык обожгло, но кофеин проникал в организм достаточно быстро. Поставив кружку на стол, Кейт взяла в руки ожерелье и поднесла к глазам. Никаких следов от ее попыток почистить его. Исчезли даже царапины от ногтей. Металл остался таким же зеленовато-черным, как раньше. Аккуратно завернув его в тряпку, Кейт поднялась наверх и отнесла в свободную комнату. Заперев ожерелье в единственном чемодане, у которого был ключ, она задвинула его в угол, закрыла за собой дверь и снова спустилась вниз. Убрала пузырек с полировкой, намочила в горячей воде губку, вымыла стол, затем еще раз губку. Все это заняло не более нескольких минут, и тогда она надела куртку, сапоги и, открыв дверь, вышла на улицу, прихватив с собой коробку для дров. Утро стояло ясное, солнечное. Высокие, белые облака клочьями неслись по яркому небу с запада, а позади коттеджа ослепительно сверкало море.

Косой дождь заливал ночью в сарай, и много дров промокло. Покопавшись сзади, Кейт нашла несколько сухих поленьев и отнесла их в дом. Трижды она ходила туда-обратно, пока у печки не образовалась внушительная куча. Затем она принесла щепки и еще одну охапку дров, чтобы сразу заложить в топку. Довольная тем, что по крайней мере на ближайшие двадцать четыре часа топлива хватит, Кейт посмотрела на печку. Какой смысл растапливать ее сейчас? Надо сделать еще кое-что, прежде чем сесть за работу. Мысль эта сверлила исподволь, с тех самых пор, как она вытерла стол в кухне.

Заперев за собой входную дверь, она положила ключ в карман, надела перчатки и пошла по низкой траве позади дома в сторону берега. При ее появлении вспорхнула и закружила стая ласточек. Спотыкаясь, скользя, Кейт побежала по гальке к песчаному участку. пляж все еще был влажен после прилива и замусорен водорослями. Полоса ракушечника, белого и розового, сверкающего на солнце отшлифованными боками, отмечала по берегу уровень прилива. Воздух был такой холодный, что глаза заслезились, когда Кейт повернулась и пошла вдоль дюн к месту раскопок.

Она долго стояла на краю карьера и смотрела вниз, на дно. За ночь рухнул еще один большой участок дюны, и теперь ей был ясно виден показавшийся в ярком чистом песке новый слой. Светлые полосы глины, отличавшиеся от песка по цвету, и, теперь уже совсем на виду, толстый черный рыхлый слой торфяника.

Ощувив внезапную сухость во рту, Кейт, где прыжком, где ползком, спустилась вниз. На дне карьера лежала россыпь водорослей-пузырчатки, а при более пристальном рассмотрении Кейт заметила нечто яркокрасное, торчащее из песка. Нахмурившись, она пнула песчаный холмик. Под ворохом водорослей прятался «негритянский мозгодробитель» Элисон. Кейт

нагнулась и подняла его. Кнопка включения была все еще вдавлена. Значит, Элисон приходила рано утром и снова ушла. Поставив магнитофон на край ямы, Кейт огляделась по сторонам. Что могло вынудить Элисон бросить свой драгоценный магнитофон? Рабочего инвентаря не видно, но, может быть, инструменты засыпало рухнувшим песком? Она подошла поближе к срезу и осторожно сняла с руки перчатку. Торфяник был на ощупь мягкий, пластовый, сжатый. А когда она понюхала пальцы, запахло сырой садовой землей. Кейт с трудом сглотнула.

– Элисон? – Возглас ее подхватил ветер, протащил несколько ярдов и там рассыпал, утихомирил. – Элисон! – Кейт крикнула громче. Выбравшись на край ямы и приложив ладонь козырьком к глазам, чтобы не слепило солнце, она огляделась. Берег был пустынен.

Кейт повернулась. Не может быть и речи о том, чтобы девочка осталась под песчаным обвалом, но на мгновение воображение сыграло с Кейт злую шутку. Она видела, где он был мягкий и рыхлый, где обвалился и где, на самом дне карьера, придавленный слоем глины, протянулся длинный холм. Холм, какой бывает над человеческой могилой.

Кейт не отрываясь смотрела вниз. Элисон не возвращалась ночью. Она была в безопасности, в доме своей подруги, когда звонила Диана. Кто бы – что бы, тут же поправила она себя – ни лежал там, но только не пятнадцатилетняя школьница, дитя двадцатого века. Кейт осторожно сделала шаг к холму. И все-таки это ее переутомленное воображение виновато. С другого угла зрения холм уже показался просто песчаным участком, на который упала тень от низкого солнца. Теперь она видела там отверстия, прорытые червями и поблескивающие комья торфяника, рухнувшие с песчаной насыпи.

– Что вы тут делаете? – Голос Элисон, резкий, сердитый, так неожиданно прервал ее размышления, что Кейт вздрогнула.

– Слава Богу! – Слова сами собой вырвались у нее. – Я подумала, может быть, с тобой что случилось...

– Решили, что я там похоронена? – В голосе прозвучали насмешливые нотки. Элисон, бледная, появилась из-за края дюны. Под глазами у нее чернели круги.

Кейт улыбнулась.

– Всего на секунду. Когда магнитофон твой увидела.

Взгляд Элисон переметнулся к кассетнику, но она не сделала к нему ни шагу.

– Забыла его, – сказала она после небольшой паузы.

– Теперь понятно. К сожалению, он был наполовину засыпан песком. Боюсь, прилив его попортил.

– Зачем вы сюда пришли? – Голос Элисон звучал уже не столь агрессивно. Она смотрела на Кейт, стоявшую на дне ямы, и не делала попыток спуститься или взять магнитофон.

– Хотела кое-что проверить. – Кейт выбралась наверх и встала рядом. – На поверхности показались разные слои. Видишь? Ночной обвал обнажил слой торфяника, и я думаю, ему не менее тысячи лет.

Взгляд Элисон несколько секунд скользил по темным полосам. И все же она не сдвинулась с места.

– Вы не заметили никакого движения? – спросила она. – Ничего... никого тут не было, когда пришли?

Кейт посмотрела на нее в упор.

– Что именно?

Элисон тяжело вздохнула и пожала плечами.

– Не знаю. Вчера, когда я здесь была. Тут еще что-то было. – Она отвела взгляд. – Не думаю, чтобы что-то особенное. Может быть, птицелов или натуралист, кто-то вроде того... – Она замолчала.

– Толком ты не разглядела, – подсказала Кейт.

– Нет.

– А запах какой-нибудь странный не почувствовала? Например, сырой земли. Элисон посмотрела на нее.

– Вся земля была сырая.

– Это верно. – Кейт улыбнулась.

Некоторое время они обе молча смотрели вниз. Наконец Кейт нарушила молчание.

– Ты сегодня копать будешь? – спросила она.

Элисон пожала плечами.

– Может быть. Но у меня еще уроков полно. Нельзя отставать. – Она нетерпеливо переминалась с ноги на ногу. Не собиралась сегодня приходить, но ноги сами привели. Не смогла остановиться.

– Это трудно. А я все думала, почему ты не в школе. Болела? – спросила Кейт.

Элисон кивнула, но от дальнейших объяснений уклонилась. А Кейт не настаивала.

– Кажется, дождь собирается. Наверное, лучше отложить раскопки на другой день. – Почему-то ей не хотелось оставлять Элисон одну на берегу. Мысль о девочке, в одиночку копающей эту заброшенную могилу, тревожила. В том, что это могила, Кейт теперь не сомневалась. Элисон была права.

– Ты говорила, что хочешь сделать несколько снимков. Позволь мне, когда посветлее станет, – попросила она.

Элисон смотрела на нее сквозь треплющиеся на ветру пряди волос. – А вы можете?

– Конечно. Мне кажется, к полудню станет светлее. Тогда я выйду. А пленку принесу тебе сегодня вечером. Тогда тот, кто поедет первым в город, захватит ее с собой и проявит.

– Годится.

Снова ли ей почудилось или энтузиазма у Элисон внезапно поубавилось?

– Скажи, Элли, тебя что-то напугало вчера? – ласково спросила она.

– Ничего подобного! – Ярро вспыхнувшие щеки и заблестевшие глаза говорили об обратном.

– Я просто спросила.

– Сами, что ли, боитесь? – Снисходительно. С пренебрежением.

– По правде говоря – да. Немного.

– Чего же? – Снова агрессивно, неприязненно.

Но под этим Кейт слышалась просительная нотка. И тогда она поняла, что не вправе умножать страх девочки. Только плечами пожала.

– Не знаю. Может быть, как говорит твой брат, привыкла в городе жить. Деревенские звуки быстро забываются. Кроме того, я никогда не жила так близко от моря.

Она с облегчением заметила, что лицо Элисон прояснилось.

– Привыкните. – В первый раз за все время девочка улыбнулась. – Вы в самом деле делаете для меня снимки?

– Конечно. Никаких проблем. – Кейт помялась. – Не хочешь зайти в коттедж, выпить чашку кофе перед тем, как домой возвращаться?

Элисон кивнула, и скорость, с которой она подхватила свой магнитофон и отвернулась от карьера, говорила о многом. Следуя за ней, Кейт лишь однажды оглянулась на раскопки. Над тем местом, где они только что стояли с Элисон, кружила стая чаек. Затем с громкими криками они все как одна взмыли ввысь и полетели к морю.

– Почему вы заперли дом? Мы никогда этого не делали!

Вдали от дюн Элисон снова приобрела свойственную ей высокомерность.

– По привычке, вероятно, – безмятежно откликнулась Кейт. – Все-таки кто-то вламывался. – Она открыла дверь. – Черный или с молоком? – спросила она, направляясь в кухню.

– С молоком, пожалуйста. – Элисон не последовала за ней и никак не отреагировала на последнее замечание. Она сразу отправилась в гостиную. – У вас печка погасла, – крикнула она оттуда.

Кейт на мгновение прикрыла глаза и глубоко вздохнула.

– Я знаю. Но все уже готово для растопки. Может быть, сделаешь это для меня? – Она потянулась за кофейной банкой и замерла. На разделочном столе снова следы чернозема.

– О Господи! – Она даже не поняла, что произнесла эти слова вслух.

– Что случилось? – Элисон стояла в дверях.

Кейт сделала глубокий вдох.

– Ничего. Просто пролила что-то, вот и все.

– Где спички? – Элисон наклонилась и стала рыться внизу, в буфете под раковиной. Куртку она сняла и расчесала волосы пятерней.

– Там, на полке. – Кейт не могла заставить себя оторваться от грязных следов между кружками. – Знаешь, Элли, не надо сейчас топить. Мы попьем кофе и вместе выйдем. Мне бы надо сегодня съездить в Кольчестер. – И снова мысль возникла внезапно. Может быть, на этот раз от того, что ей не хотелось оставаться в доме одной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.